9(С)133
Б28
Кр.63.3(2)45
Б-28
кр. 4079

О МѢСТѢ ПОГРЕБЕНІЯ КНЯЗЯ ДМИТРІЯ МИХАЙЛОВИЧА ПОЖАРСКАГО

и

О ТОМЪ, ГДѢ ЛѢЧИЛСЯ ОТЪ РАНЪ ОСЕНЬЮ 1611 ГОДА.

СОЧИНЕНІЕ

ГРАФА М. Д. БУТУРЛИНА.

ИЗДАНІЕ
Императорскаго Общества Исторіи и Древностей Россійскихъ
при Московскомъ Университетѣ.

МОСКВА.

1876.

ИР 7079

КОНТРОЛЬНЫЙ ЛИСТОК
СРОКОВ ВОЗВРАТА

КНИГА ДОЛЖНА БЫТЬ
ВОЗВРАЩЕНА НЕ ПОЗЖЕ
УКАЗАННОГО ЗДЕСЬ СРОКА

Колич. пред. выдач

30/I 96
13.11.00
22.10.01
25.11.01
4/X-04
11.11.04
30 ОКТ 2005
19.10.06
2007

ЗИМО Т. 1 млн. З. 212—78

О
МѢСТѢ ПОГРЕБЕНІЯ
КНЯЗЯ ДМИТРІЯ МИХАЙЛОВИЧА ПОЖАРСКАГО
И
О ТОМЪ, ГДѢ ЛѢЧИЛСЯ ОТЪ РАНЪ ОСЕНЬЮ 1611 ГОДА.

СОЧИНЕНІЕ

Графа М. Д. Бутурлина.

ИЗДАНІЕ

Императорскаго Общества Исторіи и Древностей Россійскихъ
при Московскомъ Университетѣ.

Северный Краевой
Библіотека
Педагогическій Институт

МОСКВА.
Въ Университетской типографіи (М. Катковъ),
на Страстномъ бульварѣ.
1876.

9|С|133
Б28
кр 63.3(2)44-681
Б-93

ЧТЕНІЯ

въ Императорскомъ Обществѣ Исторіи и Древностей Россійскихъ при Московскомъ Университетѣ 1875 г. кн. 4-я.

Кр 7079 м
ВЛАДИМИРСКАЯ ОБЛАСТНАЯ БИБЛИОТЕКА

О
МѢСТѢ ПОГРЕБЕНІЯ
КНЯЗЯ ДМИТРІЯ МИХАЙЛОВИЧА ПОЖАРСКАГО И О ТОМЪ, ГДѢ ОНЪ ЛѢЧИЛСЯ ОТЪ РАНЪ ОСЕНЬЮ 1611 ГОДА.

Мѣсто погребенія Князя Дмитрія Михайловича Пожарскаго долгое время оставалось не извѣстнымъ. О немъ существовало много разнорѣчивыхъ мнѣній: иные полагали, что могилу его слѣдуетъ искать въ принадлежавшей ему вотчинѣ, Пурехѣ (Нижегородской Губерніи Балахнинскаго Уѣзда); другіе думали, что онъ погребенъ въ Троицкой Лаврѣ, гдѣ покоится прахъ его дѣда, Князя Ѳедора Ивановича; были и такіе, которые считали, что онъ положенъ въ Соловецкомъ монастырѣ, [1] или даже въ селѣ Пожаркахъ (Нижегород. Губ. Сергацкаго Уѣзда). [2] Лишь немногіе ученые, какъ Малиновскій, Погодинъ, Арсеньевъ и біографъ Пожарскаго Чичаговъ, основываясь на нѣкоторыхъ данныхъ, полагали, что могила Князя Дмитрія Михайловича должна находиться въ Спасо-Евѳиміевомъ Суздальскомъ монастырѣ. Графъ А. С. Уваровъ, занимаясь, въ началѣ пятидесятыхъ годовъ, во Владимирѣ изслѣдованіями мѣстныхъ древностей, пришелъ, въ слѣдствіе открытыхъ имъ указаній, къ окончательному убѣжденію, что могилу знаменитаго Князя слѣдуетъ дѣйствительно искать въ стѣнахъ этой обители.

Хотя объ этомъ открытіи было въ свое время сообщено (см. Журналъ М. В. Д. 1852 г.) въ донесеніи особой Коммисіи, учрежденной тогда для изслѣдованія этого вопроса, со всѣмъ тѣмъ мы полагаемъ, что не лишнимъ будетъ возобновить и нынѣ въ памяти читателей извѣстіе объ этомъ событіи, тѣмъ болѣе, что, пользуясь разсказомъ одного изъ членовъ этой Коммисіи, [3] мы

[1] Мнѣніе П. П. Свиньина.

[2] Предположеніе о томъ, что это село (о которомъ будетъ говориться въ послѣдствіи) принадлежало Князьямъ Пожарскимъ, не доказано.

[3] Графа Дмитрія Николаевича Толстого.

сообщаемъ здѣсь нѣкоторыя подробности, не вошедшія въ офиціяльное донесеніе. При этомъ случаѣ мы постараемся разрѣшить кстати и вопросъ, въ какой именно изъ своихъ вотчинъ лѣчился отъ ранъ Князь Д. М. Пожарскій осенью 1611 года, когда приходили къ нему Нижегородскіе посланные: вопросъ, какъ извѣстно, доселѣ остающійся нерѣшеннымъ удовлетворительно.

Графъ А. С. Уваровъ, основываясь на открытыхъ имъ, какъ во Владимирѣ, такъ и въ Суздалѣ, документахъ, подкрѣпляемыхъ устнымъ преданіемъ мѣстныхъ старожиловъ, рѣшился отыскивать гробницу знаменитаго вождя въ Суздальскомъ Спасо-Евѳиміевомъ монастырѣ. Изъ монастырской описи XVII вѣка видно было, что Князья Пожарскіе погребались вмѣстѣ съ Князьями Хованскими: это указывало, что усыпальница обѣихъ фамилій была общая. Среди остававшихся на лицо въ монастырѣ могилъ ни одна не принадлежала этимъ именамъ: остальная часть монастырскаго двора, которая могла бы служить кладбищемъ, была занята садомъ съ 80-лѣтними липовыми деревьями. Въ виду собранныхъ имъ указаній, Графъ Уваровъ долженъ былъ убѣдиться, что могилы Пожарскихъ и Хованскихъ скрываются непремѣнно подъ этимъ садомъ: другого мѣста въ монастырѣ, удобнаго для погребенія, не представлялось. Предположеніе, что могила спасителя Россіи должна непремѣнно находиться въ стѣнахъ Спасо-Евѳиміевой обители, подкрѣплялось еще открытымъ Графомъ Алексѣемъ Сергѣевичемъ указаніемъ, что въ послѣдней половинѣ прошлаго столѣтія былъ еще надгробный камень съ именемъ Князя Дмитрія Михайловича, но снятъ и употребленъ на поправку паперти Архимандритомъ Ефремомъ (родомъ изъ Сербовъ), озлобившимся за отнятіе у монастыря, при секуляризаціи церковныхъ имѣній, болѣе 11 т. душъ крестьянъ.

Графъ Уваровъ не остановился передъ значительностію издержекъ, и обратился съ ходатайствомъ, къ кому слѣдовало, о разрѣшеніи ему срубить деревья, очистить мѣсто, занимаемое садомъ, и произвести нужныя раскопки. По исполненіи всѣхъ этихъ работъ, открылись слѣды усыпальницы, примыкавшей къ алтарю, фундаментъ коей вполнѣ сохранился и представлялъ неправильный пятиугольникъ съ тупымъ угломъ на восточной сторонѣ. Внутри этого пространства шелъ рядъ могилъ, начиная, если смотрѣть на западъ, съ лѣвой руки къ правой, наполнявшій все пространство отъ стѣны до стѣны. За симъ начатъ былъ второй рядъ, также

и слѣва, въ которомъ были только 2, или 3, могилы и погребенія не продолжались далѣе, но перенесены были въ третій рядъ, который, подобно первому, доведенъ до конца. Въ числѣ всѣхъ этихъ гробовъ нѣкоторые были высѣченные изъ цѣльнаго камня, и два изъ нихъ имѣли вырѣзанныя на крышкахъ надписи. Изъ монастырской описи, какъ мы уже сказали, видно было, что эта усыпальница принадлежала фамиліи Князей Хованскихъ и Пожарскихъ. И точно, первый каменный гробъ, которымъ начинается 2-й рядъ могилъ, носитъ на крышкѣ надпись, свидѣтельствующую, что подъ нею лежитъ тѣло Князя Никиты, въ иноцѣхъ Нифонта, Хованскаго. Въ 3-мъ ряду, изъ числа двухъ каменныхъ гробовъ, на первомъ была надпись, что здѣсь похороненъ Князь Ѳедоръ Дмитріевичъ Пожарскій, другой же былъ безъ всякой надписи. [4] Имѣя такимъ образомъ полныя данныя къ предположенію, что въ этихъ-то именно гробахъ слѣдуетъ искать остатковъ знаменитаго Князя Дмитрія Михайловича, Графъ Уваровъ довелъ о семъ до свѣдѣнія Министра Внутреннихъ Дѣлъ (коимъ былъ тогда Графъ Левъ Алексѣевичъ Перовскій), по всеподданнѣйшему докладу коего, Высочайше повелѣно, отъ 17 Генваря, 1852 года, учредить ученую Коммисію изъ Академиковъ: К. И. Арсеньева и М. П. Погодина, и Графа Дмитрія Николаевича Толстого, для освидѣтельствованія сдѣланныхъ Гр. Уваровымъ открытій. Коммисія, прибывъ на мѣсто, въ половинѣ Февраля того года, приступила къ дѣйствіямъ, въ соучастіи Владимирскаго Епископа Іустина и Управлявшаго Губерніею Вице-Губернатора Муравьева; руководителемъ въ этомъ дѣлѣ былъ, разумѣется, Графъ Уваровъ, уже изучившій всѣ, относящіеся къ предмету, источники.

Первымъ вопросомъ, представившимся Коммисіи, было опредѣленіе причины и, вмѣстѣ съ тѣмъ, времени, по чему и съ какой поры Князья Хованскіе и Пожарскіе начали погребаться въ одной и той же усыпальницѣ? Оказалось, что этотъ посмертный союзъ двухъ фамилій получилъ начало отъ брака Князя Никиты Ивановича Хованскаго съ Княжною Дарьею Михайловною Пожарскою. И дѣйствительно, могилою Князя Никиты Ив. Хованскаго, какъ мы уже видѣли, начинается второй рядъ гробовъ, оставляя послѣ себя много пустого мѣста. При этомъ Коммисія пришла къ прямому и

[4] Она была и ненужна, если вѣрить сказанію объ Архимандритѣ Ефремѣ, такъ какъ надъ могилою былъ надгробный памятникъ съ надписью.

вѣрному заключенію, что 3-й рядъ вмѣщаетъ въ себѣ останки исключительно Князей Пожарскихъ. Если бы могилы наэначались для умершихъ членовъ обѣихъ фамилій безразлично, то не было бы причины начинать третьяго ряда, не пополнивъ второго. При томъ, несомнительная надпись на одномъ гробѣ 3-го ряда, о которой выше сказано, свидѣтельствовала, что этотъ именно рядъ былъ посвященъ вѣчному покою Князей Пожарскихъ. Для полнѣйшаго изслѣдованія своей задачи, Коммисія приступила къ открытію гробовъ Князя Никиты Хованскаго и Князя Ѳедора Дмитріевича Пожарскаго, чтобы за симъ уже открыть остальной каменный же и не имѣвшій на крышѣ никакой надписи. Гробъ Князя Хованскаго заключалъ въ себѣ разрушенныя кости, перемѣшанныя съ лоскутьями власяницы, свидѣтельствовавшей объ его иноческомъ званіи. Въ слѣдующемъ за симъ гробѣ 3-го ряда, на крышѣ котораго была высѣченная надпись: «Благовѣрный Князь Ѳедоръ Дмитріевичъ Пожарскій», открыто тѣло, тщательно закутанное въ саванѣ изъ шелковой Персидской ткани оранжеваго, нѣсколько полинявшаго цвѣта, и обвязанное укроемъ изъ той же ткани. Мы сказали «тѣло», по тому что формы бывшаго подъ саваномъ трупа такъ хорошо сохранились, что вполнѣ представляли усопшаго; но когда раскрыли саванъ, то Коммисія увидѣла лишь голыя кости, на которыхъ уцѣлѣло коегдѣ нѣсколько остатковъ суконнаго кафтана и шелковыхъ ворворокъ коричневаго цвѣта.

Заручившись этими данными, указывавшими на нѣкоторые пріемы погребенія тогдашняго времени (саванъ, укрой и самая форма гробовъ), Коммисія приступила къ осмотру гроба въ 3-мъ ряду, съ тѣмъ большею надеждою, что время кончины первыхъ двухъ покойниковъ незадолго предшествовало смерти Князя Дмитрія Михайловича и, слѣдовательно, въ могилахъ ихъ должно было быть что либо общее. Это предположеніе подтвердилось тѣми соображеніями, что люди XVII вѣка, при обычаѣ хоронить въ высѣченныхъ изъ цѣлынаго камня гробахъ, безъ сомнѣнія, заранѣе заготовляли все нужное для своего погребенія; нельзя же было приготовить каменный гробъ въ два, три, дня, какъ дѣлаютъ нынѣ деревянные. Коммисія не ошиблась въ своемъ заключеніи. Когда была снята верхняя плита съ гроба, она увидѣла точно такой же трупъ, какъ и въ могилѣ Князя Ѳедора Дмитріевича, обернутый саваномъ и обвязанный укроемъ одинаковой съ первымъ ткани, по видимому, отрѣзанной отъ одного и того же куска. Одного этого было уже достаточно, чтобы убѣдиться, что здѣсь погребенъ членъ

одного съ первымъ семейства. По раскрытіи савана, подъ нимъ оказались однѣ кости, но, судя по черепу и по нѣсколькимъ оставшимся зубамъ, они принадлежали человѣку престарѣлому, а сохранившійся бортъ и рукавъ одежды съ золотыми (почернѣвшими) ворворками, и съ такими же шнурками по борту и на рукавахъ, обличали принадлежность ихъ Боярскому кафтану. Такимъ образомъ Коммисія пришла къ слѣдующимъ выводамъ: 1, Несомнительность того, что 3-й рядъ могилъ принадлежалъ исключительно роду Князей Пожарскихъ доказывается тѣмъ, а) что первые ряды, гдѣ найденъ гробъ Князя Никиты Хованскаго, незакончены; в) что при погребеніи безразлично членовъ обѣихъ фамилій не было бы нужды начинать особаго ряда, и в) что надпись на гробѣ Князя Ѳедора Дмитріевича Пожарскаго доказываетъ, что этотъ 3-й рядъ посвященъ былъ фамиліи Князей Пожарскихъ. 2, Сравнительный возрастъ покойниковъ, заключенныхъ въ этихъ двухъ гробахъ 3-го ряда, указываетъ на ихъ личность. Кости перваго (Князя Ѳедора Дмитріевича), умершаго прежде своего отца за нѣсколько лѣтъ, оказались гораздо моложе и обличаютъ человѣка среднихъ лѣтъ; кости же второго, напротивъ, принадлежатъ человѣку престарѣлому и указываютъ, особенно при тождественности савана, на то, что здѣсь погребены сынъ и отецъ; ибо другого лица сего возраста въ семействѣ ихъ не было. 3-е, Множество вкладовъ, внесенныхъ въ монастырскую опись, данныхъ по душѣ Князя Дмитрія Михайловича и, между прочихъ, шуба его, верхъ которой, какъ видно изъ описи, передѣланъ на фелонь, доселѣ сохранившуюся, доказываютъ не только усердіе его семейства къ этому монастырю, но сильно говорятъ въ пользу мнѣнія, что онъ погребенъ именно въ немъ, по тому что извѣстно, что, при отпѣваніи сановныхъ лицъ того времени, шуба служила покровомъ, и даже была для этой цѣли жалуема Государями. Наконецъ 4, остатки Боярскаго кафтана неоспоримо доказываютъ, что открытая гробница принадлежала именно Князю Дмитрію Михайловичу, такъ какъ въ родѣ Князей Пожарскихъ ни кто, кромѣ его, не былъ Бояриномъ.

Удостовѣрясь такимъ образомъ въ безошибочномъ заключеніи Графа А. С. Уварова о мѣстѣ погребенія Князя Дмитрія Михайловича Пожарскаго, Коммисія составила объ этомъ актъ, за подписью какъ своихъ членовъ, такъ и участвовавшихъ при изслѣдованіи лицъ, и за симъ признала благовременнымъ почтить память великаго человѣка торжественною панихидою. На слѣдующій день, послѣ приведенія въ прежній порядокъ открытыхъ гробницъ, со-

вершена была Преосвященнымъ Іустиномъ, Епископомъ Владимирскимъ и Суздальскимъ, соборная заупокойная литургія и за нею панихида. Преосвященный имѣлъ на головѣ митру вкладу второй супруги Князя Дмитрія Михайловича, съ вырѣзанною на обручѣ надписью, что митра эта дана ею по душѣ усопшаго супруга. Сослужившій съ нимъ Настоятель Спасо-Евѳиміевскаго монастыря, Архимандритъ Іоакимъ, [5] кромѣ такой же митры, имѣлъ на себѣ епитрахиль съ подобною же надписью и, сверхъ того, былъ облаченъ въ объярепную зеленаго цвѣта фелонь, устроенную изъ покрышки погребальной шубы Князя Дмитрія Михайловича. Предъ мѣстною иконою Христа Спасителя былъ поставленъ аналой съ образомъ Казанской Божіей Матери, также ему принадлежавшимъ и бывшимъ съ нимъ во всѣхъ его походахъ. Церковь была полна народомъ. Когда Протодіаконъ возгласилъ: «Во блаженномъ успеніи вѣчный покой подаждь, Господи, усопшему рабу твоему, Боларину Князю Димитрію, и сотвори ему вѣчную память!» весь народъ почтилъ его земнымъ поклономъ. Умилительно было совершеніе этой панихиды, какъ бы возстановлявшей погребеніе человѣка, скончавшагося слишкомъ за 200 лѣтъ передъ симъ и доселѣ живущаго въ памяти благодарнаго потомства: оно переносило присутствовавшихъ къ самой порѣ его кончины и погребенія. Впечатлѣніе это усиливалось при видѣ современныхъ ему предметовъ, о которыхъ мы упомянули выше.

Заключеніе Коммисіи удостоено Высочайшаго одобренія, и донесеніе ея помѣщено въ Журналѣ Министерства Внутреннихъ Дѣлъ, и, кромѣ того, Государю благоугодно было повелѣть открыть по Имперіи подписку для сбора добровольныхъ приношеній на сооруженіе надгробнаго на могилѣ Князя Дмитрія Михайловича Пожарскаго памятника.

Возобновляя въ памяти читателя все это событіе, мы не скроемъ, что въ умахъ нѣкоторыхъ нашихъ археологовъ возникло тогда сомнѣніе: дѣйствительно ли открытый Коммисіею гробъ принадлежалъ Князю Дмитрію Михайловичу? Странно, что это сомнѣніе произошло именно изъ той части собранныхъ Коммисіею доказательствъ, которую она считала найдостовѣрнѣйшею,—изъ

---

[5] Архимандритъ Іоакимъ жилъ въ послѣдствіи въ Воронежскомъ Митрофановомъ монастырѣ, и тамъ скончался въ 1870, или 1871, году, въ томъ же санѣ.

того, что въ открытой могилѣ нашлись остатки Боярскаго кафтана. Дѣло въ томъ, что въ книгохранилищѣ одного любителя нашелся будто бы Синодикъ, гдѣ, подъ заголовкой: «Родъ Князя Дмитрія Михайловича Пожарскаго,» первымъ стоитъ: «Князь Дмитрій, въ иноцѣхъ Косьма;» это имя отнесли къ Князю Дмитрію Михайловичу Пожарскому, и заключили, что онъ долженъ бы быть погребенъ не въ Боярскомъ кафтанѣ, а, подобно Князю Хованскому, во власяницѣ, или въ иноческой одеждѣ. Мы не видали этого Синодика, да не вполнѣ допускаемъ его и существованіе. Но что же изъ этого слѣдуетъ? Имя «Князя Дмитрія,» поставленное во главѣ именъ усопшихъ, наполняющихъ статьи рода Князя Дмитрія Михайловича Пожарскаго, доказываетъ, напротивъ, что оно принадлежитъ другому Князю Дмитрію, а не знаменитому побѣдителю Ляховъ. Кому же не извѣстно, что поминовенія въ Синодикахъ, озаглавляемыя и нынѣ словомъ: «Родъ такого-то,» вписываются по желанію и за вклады того лица, имя котораго поставлено во главѣ этого заголовка, и дѣлаются непремѣнно при его жизни? Надпись: «Родъ такого-то» равнозначительна слову: «Поминальный вкладъ такого-то.» Странно было бы полагать, что вкладъ записанъ отъ лица усопшаго, и что рядъ умершихъ начинается именемъ давшаго вкладъ.

«Такимъ образомъ убѣжденіе наше въ подлинности открытія Графа Уварова ни сколько не колеблется, а остается твердымъ, по крайней мѣрѣ, до того времени, когда не будутъ представлены ученому свѣту другія, болѣе вѣскія, возраженія.» [6]

Въ подтвержденіе такого мнѣнія лица, непосредственно участвовавшаго въ открытіи могилы Князя Дмитрія Михайловича, мы могли бы сослаться на поколѣнную роспись Князей Стародубскихъ и Пожарскихъ, [7] изъ которой видно, что, кромѣ Князя Дмитрія Михайловича (обозначеннаго въ росписи прозваніемъ «Хромаго»),

---

[6] Возраженіе это записано нами со словъ Графа Дмитрія Николаевича Толстого (бывшаго членомъ упомянутой ученой Коммисіи), и по тому обозначается кавычками.

[7] Таблица эта приложена къ Біографіи Кн. Дм. Мих. Пожарскаго Профессоромъ Московской Духовной Академіи С. К. Смирновымъ. Москва, 1852 г., стр. 9 (въ дополненіи). Есть также родословная Князей Пожарскихъ въ рукописи XVII, или начала XVIII, вѣка, въ Чертковской, нынѣ находящейся въ Московской Публичной Библіотекѣ.

былъ еще другой Князь, Дмитрій Петровичъ, по прозванію «Лопата,» современникъ первому и сынъ Князя Петра Тимоѳѣевича, прозывавшагося «Щепа,» троюроднаго брата Князю Михайлу Ѳедоровичу (прозванному тамъ «Глухой»), отцу нашего героя. А такъ какъ никакого другого Князя Дмитрія нѣтъ во всей родословной таблицѣ Пожарскихъ, то можно было бы съ нѣкоторою вѣроятностію предположить, что вписанный въ сказанномъ Синодикѣ Князь Дмитрій, во иноцѣхъ Косьма, есть именно Князь Дмитрій Петровичъ Лопата. Но мы не имѣемъ никакой нужды прибѣгать къ этому, нѣсколько натянутому, объясненію. Чтобы опредѣлить силу приведеннаго противу подлинности могилы Князя Дмитрія Михайловича возраженія, стóитъ только уяснить себѣ дѣйствительное значеніе Синодиковъ. Слова: «Родъ такого-то» дѣйствительно означали только имя вкладчика и записывались, какъ само собою разумѣется, при его жизни, во главѣ именъ, сообщенныхъ имъ для поминовенія. Это ни сколько не обусловливало, чтобы эти имена непремѣнно принадлежали лицамъ одного рода съ вкладчикомъ не только по прямой, но даже и боковымъ линіямъ. Вкладчикъ вписывалъ въ Синодикъ не однихъ своихъ родичей, но всѣхъ, въ комъ принималъ близкое участіе. Такъ поступаютъ и въ настоящее время: въ Синодики и въ отдѣльныя Поминанія, подаваемыя на проскомидіи, вписываютъ имена тѣхъ усопшихъ, которые дороги нашему сердцу, будь то родные по крови, или совершенно чужіе, и всѣ подобныя записи (въ Синодикахъ) носятъ поименованіе: «Родъ такого-то.»

Упомянемъ кстати, что Князья Пожарскіе происходили отъ Князей Стародубскихъ. Въ документахъ (рукописныхъ), хранящихся въ Чертковской Библіотекѣ, принадлежавшихъ нѣкогда Малиновскому, мы прочли, что первый изъ Князей Стародубскихъ, принявшій фамилію Пожарскихъ, былъ Князь Василій Андреевичъ, отецъ коего, Князь Андрей Ѳедоровичъ, сопутствовалъ Дмитрію Донскому, во время его похода, въ 1375 г., на Михаила Князя Тверского. О Князѣ Василіѣ Андреевичѣ Стародубскомъ говорится въ тѣхъ же документахъ (въ рукописи подъ № 298): «а сѣлъ онъ на вотчинѣ на Пожарѣ.» Въ этихъ же документахъ мы прочли, что былъ дѣйствительно Князь Дмитрій Петровичъ Пожарскій, по прозвищу «Лопата, [8] а также,

---

[9] О Князѣ Дмитріѣ Пожарскомъ-Лопатѣ упоминается также въ Польскомъ «Днев-

что Князь Михаилъ Ѳедоровичъ (отецъ Князя Дмитрія Михайловича), посилъ прозвище «Глухого.»

По доказательствомъ вполнѣ удовлетворительнымъ, что остатки Боярскаго кафтана, найденныя въ могилѣ Спасо-Евѳиміевскаго монастыря, принадлежатъ не кому другому, какъ Князю Дмитрію Михайловичу, служитъ то обстоятельство, что, кромѣ его, сколько извѣстно, никто изъ этой фамиліи не имѣлъ Боярскаго сана.

За тѣмъ скажемъ нѣсколько словъ объ историческомъ значеніи второкласной Суздальской Спасо-Евѳиміевой обители.

Суздальскій и Нижегородскій Князь Борисъ Константиновичъ (послѣдній изъ Князей этого Удѣла, умершій въ 1394 году), основалъ этотъ монастырь въ 1352 г. во имя Преображенія Господня и, по совѣту тогдашняго Епископа, Св. Іоанна, обратился къ основателю Нижегородской Печерской обители, Діонисію (въ послѣдствіи бывшему Суздальскимъ Епископомъ и причисленному къ лику Святыхъ) съ просьбою прислать одного изъ его учениковъ для управленія новымъ монастыремъ Діонисій по этой просьбѣ прислалъ инока святой жизни, Евѳимія: [10] «И моли Князь Епископа Іоанна ити съ собою на взысканіе мѣста къ созданію обители. Иде же Епископъ съ Великимъ Княземъ, съ ними же и блаженный Евфимій, и обрѣтоша мѣсто у рѣки, глаголемой Камени-

---

никѣ событій смутнаго времени» отъ 1603 по 1613 годъ (помѣщенномъ въ «Русской истор. библіотекѣ, издаваемой Археографической Коммисіею. Спб. 1872 г., т. I, стр. 317). Тамъ сказано, что «Кн. Димитрій Пожарскій-Лопата 12 Августа, 1612 г., пришелъ къ столицѣ съ 700 всадниками и расположился таборомъ между Тверскими и Никитскими воротами, и что Князь Дмитрій Михайловичъ Пожарскій, подошедъ къ Москвѣ, 30 Августа (того же года), расположился таборомъ подъ Бѣлымъ Городомъ, отъ Немѣцкихъ воротъ до рѣки, до Алексѣевской башни, и отнялъ у Поляковъ Бѣлый городъ.»

[10] См. «Суздальскія достопримѣчательности,» Іеромон. Іоасафа. Чугуевъ, 1857 г., стр. 52 и слѣд. Тамъ же сылка на прологъ 1 Апр., въ день преставленія прен. Евѳимія Архимандрита. Также, на рукописное Житіе Святителя Іоанна, Суздальскаго Чудотворца. Въ иныхъ, однако же, изъ этихъ документовъ, Князь Борисъ Константиновичъ именуется весьма ошибочно Великимъ Княземъ, чѣмъ онъ никогда не былъ, да и странно, что онъ выставленъ дѣйствующимъ въ 1352 г. самостоятельно и какъ бы княжащимъ лицомъ, тогда какъ въ слѣдующемъ только 1353 г. умеръ его отецъ, Суздальскій Князь Константинъ Васильевичъ, а отъ 1353 по 1383 годъ княжилъ другой сынъ послѣдняго, Дмитрій Константиновичъ, имѣвшій дѣйствительно титулъ Великаго Князя. Прологъ 1 Апрѣля, на день преставленія преподобнаго Евѳимія Архимандрита.

ща (на ней же и градъ Суздаль созданъ бяше), на горѣ, близъ города, и возлюбила е»..... Князь же повелѣ камени и вся потребная готовити ко храму, и самъ первѣе, вземъ мотыку, и своими рукама начатъ ровъ копати, и на него зряще, Князи и Бояре начаша такожде копати..... И по сихъ начаша стѣны здати. Преподобный же Евфимій, вземъ благословеніе отъ Епископа и пріемъ оскордъ, и своима рукама отеса три камени (камени бѣлые мягкіе плитники), и у сѣверныхъ вратъ, близъ святаго жертвенника, устрои себѣ гробъ.» [11] Церковь окончена была въ 1357 году, и блаженный Евѳимій посвященъ былъ въ Діяконы, потомъ въ Іеромонахи, и наконецъ былъ сдѣланъ Архимандритомъ той обители. Угодникъ сей представился 1404 года, Апрѣля 1 дня, 88 лѣтъ отъ рожденія, и погребенъ на мѣстѣ, имъ устроенномъ. При копаніи, въ 1507 году, рвовъ для основанія новой каменной церкви Спаса, обрѣтены его мощи нетлѣнными, и были перенесены, въ 1657 году, въ соборный Спасо-Преображенскій храмъ, гдѣ и почиваютъ посверхъ земли. [12]

Иждивеніемъ того же Князя Бориса Константиновича построены были въ монастырѣ еще два храма, съ трапезою и кельями для братій, коихъ собралось вскорѣ до 300. [13] Въ 1445 году Великій Князь Василій II Васильевичъ (Темный), узнавъ, что Татары, предводительствуемые Царемъ Казанскимъ Михметомъ, заняли Нижній Новгородъ, выступилъ противъ нихъ съ многочисленною Московскою ратію. Сыновья Хана, Махмутенъ и Якубъ, шли къ Суздалю, и Великій Князь поспѣшилъ сразиться съ ними. Станъ его расположенъ былъ, 6 Іюля, близъ Суздаля, на рѣкѣ Каменкѣ. Татары перешли рѣку Нерль, встрѣтились съ Русскими, близъ Спасо-Евѳиміевскаго монастыря, гдѣ и произошла кровопролитная битва. Войско Русское, изъ 1500 человѣкъ, первымъ натискомъ обратило Татаръ въ бѣгство, но послѣдніе скоро оправились и окружили

---

[12] Словарь истор. о Святыхъ, прославленныхъ въ Россійской Церкви. Спб. 1862 г.

[13] Борисъ Константиновичъ былъ послѣднимъ Суздальскимъ Княземъ. Московскій Великій Князь, Василій I-й Дмитріевичъ, завладѣлъ, въ 1392 г., чрезъ предательство Нижегородскаго вельможи, Румянца, Нижнимъ Новгородомъ и Суздалемъ, и присоединилъ ихъ къ Московскому Великому Княжеству: «Князя Бориса Константиновича и съ женою его и съ дѣтьми и доброхотовъ его повелѣ Вел. Князь по градомъ развести и веригы желѣзными связати.» (Никон. лѣт. т. IV, стр. 239). Борисъ Константиновичъ чрезъ два года умеръ (Карамз. Ист. Госуд. Росс. т. V, стр. 127 и 128).

Русскихъ, большая часть коихъ была убита: немногіе спаслись бѣгствомъ. Самъ Великій Князь участвовалъ въ битвѣ и, изнемогая отъ ранъ, отдался въ плѣнъ, вмѣстѣ съ Михаиломъ Верейскимъ и другими знаменитыми Боярами. Татарскіе Царевичи два дня жили въ монастырѣ и, снявъ здѣсь съ плѣннаго Великаго Князя золотые кресты, отослали ихъ въ Москву, къ его матери и къ супругѣ, въ знакъ своей побѣды. [14]

Настоятели Спасо-Евѳиміевскаго монастыря пользуются, съ 1714 года, отличіемъ священнодѣйствовать съ рапидами и на коврѣ. На дворѣ, близъ церкви Св. Николая Чудотворца (въ монастырской оградѣ), устроено, съ 1766 года, по повелѣнію Императрицы Екатерины II, арестантское отдѣленіе для политическихъ, святотатственныхъ и особаго рода, преступниковъ. Какъ въ Соловецкомъ монастырѣ, такъ и здѣсь, стража при арестантахъ находится подъ вѣдѣніемъ, а сами арестанты подъ отвѣтственностію, Настоятеля. Такъ просидѣлъ нѣсколько лѣтъ, въ началѣ нынѣшняго столѣтія, одинъ изъ сыновей Графа Кирилла Григорьевича Разумовскаго, по обвиненію въ непочтительности къ своему отцу: онъ, кажется, поднялъ, или хотѣлъ поднять, руку на родителя. [15] Тамъ же содержатся и понынѣ, съ 1854 года, Старообрядческій Лжеепископъ Аркадій, взятый въ Тульчѣ (за Дунаемъ, въ Турецкихъ владѣніяхъ) въ одно время съ другимъ таковымъ же раскольничьимъ Епископомъ, Алипіемъ, умершимъ въ 1860 году, и въ живыхъ по нынѣ Кононъ, Лжеепископъ Новозыбковскій, и Геннадій Пермскій. [16] Тамъ же содержался, съ 1804 года, скопецъ Камергеръ Еленскій, представившій Императору Александру Павловичу проектъ о введеніи въ Россію скопчество-ѳеократическаго правленія, и умершій въ этомъ монастырѣ въ 1813 году. [17] Также былъ заключенъ здѣсь, въ 1820 году, знаменитый патріархъ Скоп-

---

[14] Карамзинъ, т. V, стр. 301. Мать Василія Темнаго была Литовская Княжна Софія Витовтовна, а жена его — Княжна Марія Ярославовна, внучка Владимира Андреевича Храбраго (Серпуховскаго Князя).

[15] Онъ впалъ въ послѣдствіи въ умопомѣшательство, или чуть ли не былъ онъ въ таковомъ уже состояніи, когда былъ заключенъ въ Спасо-Евѳиміевскій монастырь. Умеръ (уже на свободѣ) въ 1825, или 1826, году.

[16] Расколъ какъ орудіе враждебныхъ Россіи партій, Н. Субботина, стр. 50 и 51.

[17] Чтенія въ Импер. Общ: Исторіи и Древн. Росс. за 1867 г., книга 4, отд. V, стр. 63 и слѣ.; Русскій Вѣстникъ за 1869 г., Май: «Бѣлые голуби», П. И. Мельникова, стр. 268.

цевъ, Кондратій Селивановъ, величаемый своими послѣдователями названіями «Государь Петръ III» и «Богъ.» [18]

Въ Суздальскомъ Спасо-Евѳиміевскомъ монастырѣ значатся слѣдующіе вклады Князя Дмитрія Михайловича Пожарскаго и другихъ членовъ этой фамиліи:

1. Евангеліе, приложенное Княземъ Дмитріемъ Михайловичемъ Пожарскимъ, вмѣстѣ съ матерью своею, Княгинею Маріею Ѳедоровною, 14 Октября, 1615 года, за собственноручною его подписью. Евангеліе это весьма замѣчательно, какъ по весьма искусному полууставному письму, такъ и по разрисованнымъ бордюрамъ на листахъ и съ Евангелистами, довольно изящно изображенными.

2. Въ иконостасѣ, предъ ракою Преподобнаго Евѳиміи, образъ Преображенія Господня съ золотымъ вѣнцомъ, украшеннымъ жемчугомъ и каменьями, вкладу, какъ видно изъ описи, также Дмитрія Михайловича Пожарскаго.

3. Икона Живоначальной Троицы шестилистовая, обложенная серебромъ, вѣнцы и цаты обнизаны жемчугомъ, вкладу на поминовеніе Князей Пожарскихъ, какъ значится по тѣмъ же книгамъ, но отъ кого именно, не извѣстно.

4. Икона Казанской Божіей Матери шестилистовая, вѣнецъ украшенъ каменьями и жемчугомъ, вкладу по Князѣ Дмитріи Михайловичѣ Пожарскомъ, какъ значится по тѣмъ же книгамъ, но отъ кого, также не извѣстно.

5. Два блюда серебряныхъ съ вырѣзанною по краямъ надписью: «Приложила Княгиня Авдотья Петровна Долгорукая по родителяхъ ея, Князѣ Петрѣ Дмитріевичѣ и Княгинѣ Марѳѣ Степановнѣ Пожарскихъ.»

6. Паникадило мѣдное большое о 28 свѣщникахъ, висящее въ трапезѣ Соборной церкви, съ надписью на исподнемъ яблокѣ: «Лѣта 7112 (1604) поставилъ сіе паникадило въ домъ Боголѣпнаго Преображенія Господна Чудотворца Евѳиміи, при Архимандритѣ Левкіѣ, Князь Дмитрій Михайловичъ Пожарскій, по своемъ братѣ Князѣ Василіѣ Михойловичѣ, во иноцѣхъ Вассіанѣ, въ вѣчной поминъ.»

---

[18] Тамъ же, «въ Чтеніяхъ,» за разные годы.

7. Митра по вишневому атласу и опушка горностаемъ, шитая золотомъ и шелками, съ образами въ вѣнцахъ и съ среднимъ и мелкимъ жемчугомъ. На сребровызолоченномъ обручѣ надпись: «Подаяніе Князя Дмитріевы жены Михайловича Княгини Федоры Андреевны, [19] въ домъ Всемилостиваго Спаса.»

8. Митра съ жемчугомъ и каменьями по красному бархату съ вырѣзанною на обручѣ надписью: «Лѣта 7153 (1645), при Государѣ Царѣ Михаилѣ Федоровичѣ, [20] въ домъ Всемилостивому Спасу и Чудотворцу Евфимію, Боярина Князя Дмитріева жена Михайловича Пожарскаго, Княгиня Федора Андреевна дала сію шапку по мужѣ своемъ и по своей душѣ.»

9. Ризы малиноваго травчатаго бархата, сшитыя, по преданію, изъ покрышки шубы Князя Дмитрія Михайловича Пожарскаго, послѣ его смерти.

10. Епитрахиль шелковой матеріи, шитая золотомъ съ крестами въ кругахъ; вверху вышито вязью: «Даяніе Князя Дмитріевы жены Михайловича Федоры Андреевны къ Спасу въ Евфиміевъ монастырь по душѣ.»

11. Другая епитрахиль шелковой матеріи темнаго цвѣта съ 6 крестами съ подножіями; вверху вышито вязью: «Даяніе Князя Дмитріевы жены Михайловича Княгини Федоры Андреевны.»

12. Покровъ плащаницы, шитый золотомъ, серебромъ и шелками, съ надписью: «Лѣта 7152 (1644), Марта въ 22 день, дала сей покровъ въ домъ Боголѣпнаго Преображенія Господня и Великаго Чудотворца Евфимія, Боярина Князя Дмитріева жена Михайловича Пожарскаго Федора Андреевна, по мужѣ своемъ и по душѣ своей.»

13. Колоколъ, незываемый полиелейнымъ, въ 350 пудъ, съ надписью: »Въ лѣто 7107 (1599) слитъ сей колоколъ коштомъ Демида Ивановича Черемисинова и въ пожаръ 7118 (1610) разбился, а въ 7126 (1618) литъ Княземъ Дмитріемъ Михайловичемъ Пожарскимъ.»

Кромѣ того, въ описи Евѳиміева монастыря, составленной въ 1660 году, значатся еще слѣдующія пожертвованія Княземъ Дми-

---

[19] Урожденная Княжна Голицына, вторая жена Князя Дмитрія Михайловича.

[20] Значитъ, въ самый годъ Царской кончины.

тріемъ Пожарскимъ, но предметовъ ихъ давно уже на лицо не имѣется. Иныя вещи, вѣроятно, проданы, а имѣнія отобраны:

1. Кадило серебряное, чеканное, золоченное, вѣсомъ $1\frac{1}{2}$ Ф. и 4 золотника.

2. Ризы изъ цвѣтного золотого Персидскаго бархата.

3. Грамота Князя Дмитрія Михайловича Пожарскаго Суздальскому монастырю во владѣніе принадлежавшимъ ему селомъ Петраковымъ въ Владимирскомъ Уѣздѣ, данная въ 1663 году.

4. Грамота, данная имъ же Суздальскому монастырю на владѣніе деревнею, три дворища въ Стародубѣ Ряполовскомъ.

5. Таковая же его грамота на деревню Елисееву да на полдеревни Череповы въ Мугрѣевѣ, отъ 1608 года.

Кромѣ этихъ вкладовъ и грамоть Князя Дмитрія Михайловича, въ описи Суздальскаго монастыря упоминается о волости Пожара [21] въ Стародубскомъ Уѣздѣ. Тамъ сказано: «Данная при Архимандритѣ Савватіи съ братіею Князя Ивана Васильевича Пожарскаго «двоюроднаго братата Князя Ѳедора Ивановича, дѣда Князя Дмитрія Михайловича), 77 года (т. е., 7077 г., иначе 1559 года) на вотчину его въ Стародубскомъ Уѣздѣ, въ Ряполовскомъ (стану?) въ Пожарѣ, на сельце Троицкое.» Вотъ родина Князей Пожарскихъ, отъ которой произошла ихъ фамилія. [22]

За тѣмъ попытаемся опредѣлить, на сколько возможно изъ разнорѣчивыхъ указаній древнихъ лѣтописей и позднѣйшихъ писателей, въ какой именно изъ своихъ вотчинъ Суздальскаго тог-

---

[21] Эту волость отнюдь не слѣдуетъ смѣшивать съ селомъ Помарки Нижегород. Губ. Сергацкаго Уѣзда, о которомъ будемъ говорить въ послѣдствіи, и каковую приписывали ошибочно владѣнію Князя Дмитрія Михайловича. Въ иныхъ документахъ Пожарская волость называется «Жарскою.»

[22] Біографія Кн. Д. М. Пожарскаго, соч. С. К. Смирновымъ. Москва, 1852 г., стр. 6—8, въ дополненіи. О послѣднихъ поименованныхъ вкладахъ и дарственныхъ грамотахъ (всего 5) Княземъ Дмитріемъ Михайловичемъ, а также и о грамотѣ на сельцо Троицкое Князя Ивана Васильевича Пожарскаго, не упоминается въ выше указанномъ описаніи Суздальскаго Спасо-Евѳиміевскаго монастыря, Іеромонахомъ Іоасафомъ. Упомянутую дарственную грамоту Кн. Ивана Васильевича Пожарскаго, мы не видали, но страннымъ весьма намъ кажется, чтобы въ ней говорилось о Стародубскомъ Уѣздѣ: подобнаго названія Уѣзда мы не встрѣчали ни въ какихъ документахъ, а былъ лишь Стародубскій Ряполовскій станъ.

дашняго Уѣзда лѣчился отъ ранъ Князь Дмитрій Михайловичъ Пожарскій осенью 1611 года, когда приходили къ нему туда Нижегородскіе депутаты съ мольбою стать во главѣ Нижегородскаго ополченія.

Нынѣшнее село Пуреха (или Пуриха и Пурехъ), Макарьевская слобода тоже (Нижегородской Губерніи Балахнинскаго Уѣзда) на р. Мыскѣ, была одна изъ значительныхъ вотчинъ Князя Дмитрія Михайловича Пожарскаго, но составляла ли Пурежская волость отдѣльную, или общую, вотчину съ Нижнимъ Ландихомъ [23] (Владимирской Губерніи Гороховскаго Уѣзда), доселѣ удовлетворительно не выяснено, между тѣмъ какъ вопросъ этотъ весьма важенъ для опредѣленія мѣстности, гдѣ лѣчился отъ ранъ Князь Пожарскій послѣ разгрома Москвы. Нѣкоторые полагали, что нынѣшнее село Пожарки (Нижегородской Губерніи, въ 3 верстахъ отъ Уѣзднаго города Сергача), [24] также принадлежало нѣкогда Князьямъ Пожарскимъ, въ слѣдствіе чего предприняты были даже попытки отыскать тамъ могилу Князя Дмитрія Михайловича, но, по дальнѣйшимъ изслѣдованіямъ, оказалось, что с. Пожарки получило свое наименованіе или отъ занятія первыми поселенцами поляны, образовавшейся отъ пожара, истребившаго лѣсъ по берегамъ р. Пьяны, или отъ пожаровъ, часто истреблявшихъ это селеніе, по причинѣ тѣсной его постройки. [25]

При разсмотрѣніи нашего предмета, начнемъ съ позднѣйшихъ писателей, а отъ нихъ будемъ постепенно восходить къ болѣе древнимъ и къ историческимъ актамъ.

Въ статьѣ о селѣ Пурехѣ, Священника Лебединскаго (помѣщ. въ Нижегород. Сборн. 1869 г. т. II) утвердительно говоритъ (стр. 231), что Князь Дмитрій Михайловичъ лѣчился отъ ранъ въ Пурехѣ; но такъ какъ онъ не ссылается при этомъ ни на какіе документы, то свѣдѣнію этому мы не можемъ придавать никакого значенія.

Въ «Географическо-статистическомъ Словарѣ Россійской Им-

---

[23] Мѣстные жители зовутъ это село Нижняя Ландиха.

[24] Село Пожарки входитъ нынѣ въ составъ имѣнія Графа Илар. Ив. Воронцова-Дашкова.

[25] См. Нижегородскій сборникъ, 1869 г., т. II, стр. 277: «Очеркъ села Пожарки», А. С. Коробкина.

періи П. Семенова,» о селѣ Пурехѣ (въ IV т.) сказано, что это была волость, пожалованная Князю Дмитрію Михайловичу Царемъ Михаиломъ Ѳеодоровичемъ за освобожденіе Москвы. [26] Указаніе это мы разберемъ въ послѣдствіи.

Въ «Монографіи Русскихъ дѣятелей въ смутное время Н. И. Костомарова,» о Князѣ Д. М. Пожарскомъ, ничего не сказано о мѣстѣ, гдѣ жилъ Князь Пожарскій, когда приходили къ нему Нижегородскіе посланные.

Въ «Исторіи Россіи С. М. Соловьева,» говорится только (т. XVIII, стр. 444), что осенью 1611 г. жилъ въ Суздальскомъ Уѣздѣ извѣстный Стольникъ и Воевода Князь Дмитрій Михайловичъ Пожарскій, долѣчивавшійся отъ ранъ, полученныхъ при разореніи Москвы, и болѣе ничего.

Въ «Исторіи Россіи Устрялова,» читаемъ, что Князь Дмитрій Михайловичъ лѣчился отъ ранъ въ Пурежской своей волости, [27] но въ подтвержденіе этого обстоятельства никакой ссылки у сочинителя нѣтъ.

Въ «Исторіи смутнаго» времени Д. П. Бутурлинъ не доходитъ до событій осени 1611 года. То же самое и Князь Щербатовъ, Татищевъ и Карамзинъ въ «Исторіяхъ Россійскаго Государства.»

Одинъ изъ позднѣйшихъ біографовъ Князя Дмитрія Михайловича, приведенный уже нами выше, С. К. Смирновъ, положительно говоритъ (стр. 17), что осенью 1611 года Князя Пожарскій жилъ въ вотчинѣ своей Нижнемъ Ландихѣ, гдѣ онъ лѣчился отъ ранъ, а въ примѣчаніи (въ той же страницѣ) добавляетъ: «А не въ Пурехѣ, какъ думали доселѣ,» при чемъ ссылается на «Лѣтопись о многихъ мятежахъ,» съ указаніемъ на стр. 247, гдѣ говорится, что Князь Пожарскій жилъ тогда въ 120 верстахъ [28] отъ Нижняго, и

---

[26] Сочинитель дѣлаетъ слѣдующія ссылки: Ратшинъ, Монастыри и церкви, стр. 365; Шелеховъ, Проселочныя дороги, стр. 52; Журналъ Мин. Внутрен. Дѣлъ 1831, кн. V, стр. 166—171; 1839 г. XXXIII, стр. 203; 1840 ч. XXXVI, стр. 389; 1851 т. XXXIII, стр. 431; Нижегород. Губ. Вѣдом. 1847, № 24, 25 и 27 Огородникова статья: Экспедиція 1854 г., рукопись.

[27] Петерб. изданіе 1837 г. часть II, стр. 163, въ примѣч. Тоже въ другомъ изданіи 1845 г. часть I, стр. 295.

[28] Буквально въ «Лѣт. о многихъ мятежахъ» упоминается о поприщахъ, а не о

что о Пурихѣ (точнѣе Пурехѣ), какъ отстоящей въ 74 только верстахъ отъ Нижняго, не могло быть и рѣчи. [29] Противъ доводовъ С. К. Смирнова мы возразимъ далѣе, когда пересмотримъ всѣ прочія указанія по настоящему предмету.

Въ «Запискахъ Императорскаго Археологическаго Общества,» въ статьѣ: «Памятники Церковныхъ Древностей въ Нижегородской Губерніи,» членомъ того общества, Архимандритомъ Макаріемъ (т. X, 1857 г.), прямо сказано, въ примѣчаніи къ стр. 4, по поводу поученій народа въ смутное время Самозванцевъ, въ Нижегородскомъ Спасо-Преображенскомъ Соборѣ, таковы были поученія извѣстнаго патріота, Архимандрита Печерскаго монастыря, Ѳеодосія, посыланнаго въ село Пурихъ за Княземъ Димитріемъ Михайловичемъ Пожарскимъ» и проч. [30]

Въ «Словарѣ достопамятныхъ людей Русской земли, Д. Н. Бантыша-Каменскаго,» въ статьѣ о Князѣ Дмитріѣ Михайловичѣ Пожарскомъ сказано, что, послѣ неудачныхъ битвъ въ Москвѣ, «сподвижники будущаго спасителя Россіи, отвезли его раненаго въ Троицкую Лавру, а оттуда препроводили его въ Нижегородскую вотчину Пурешскую волость. [31]

Въ «Хронографѣ,» принадлежавшемъ историографу Карамзину, по столярному (такъ!) списку (листы 522, 582, 643, 658), читаемъ: «а въ начальники, кому ити съ ратными людьми подъ Москву, обрали (Нижегородцы) Стольника Князь Дмитрія Михайловича Пожарскаго, а Князь Дмитрій въ тѣ поры былъ въ вотчинѣ своей. въ Суздальскомъ Уѣздѣ, а по него послали Нижегородца Дворя-

---

верстахъ, какъ говоритъ С. К. Смирновъ. Но почтенный біографъ Кн. Пожарскаго, придерживается, по видимому, мнѣнія (и въ этомъ онъ не одинъ), что поприще и верста тождественны, въ чемъ мы съ нимъ не согласны.

[29] Въ подтвержденіе своего мнѣнія Г. Смирновъ ссылается на Журналъ М. Народн. Просвѣщ. за 1852 г., Апрѣль. Смѣсь.

[30] Сочинитель статьи добавляетъ, что о семъ упомянуто въ статьѣ И. П. Мельникова: «Нижній Новгородъ и Нижегородцы въ смутное время,» помѣщенной въ «Отеч. Записк.» 1843 г., № 7 (указаніе невѣрное).

[31] Бантышъ-Каменскій указываетъ въ примѣч. на біографію Князя Д. М. Пожарскаго, составленную Малиновскимъ. Москва, 1817 г., стр. 100 (Малиновскій, бывшій, какъ извѣстно, Директоромъ Московскаго Архива Мин. Иностран. Дѣлъ въ началѣ нынѣшняго вѣка, издалъ также Государ. грамоты и договоры).

3
Кр 7079
ВЛАДИМИРСКАЯ
ОБЛАСТНАЯ БИБЛІОТЕКА

нина добраго, Ждана, Петрова сына, Болтина,» и проч. [32] Указаніе это мало служитъ къ разъясненію занимающаго насъ вопроса.

Въ «Польскомъ дневникѣ событій смутнаго времени, отъ 1603 по 1613 годъ,» помѣщенномъ (съ Русскимъ переводомъ) въ «Русской исторической Библіотекѣ, издаваемой Археологическою Коммисіею» (Спб. 1872 г., т. I), ничего не упоминается о мѣстонахожденіи Князя Пожарскаго, когда Нижегородскіе депутаты приходили къ нему съ просьбою принять начальство надъ ополченіемъ.

Въ книгѣ «Новый лѣтописецъ,» изданной недавно умершимъ Княземъ М. А. Оболенскимъ, говорится (стр. 145), что Нижегородскіе Депутаты приходили къ Князю Димитрію Михайловичу, «бывшу въ чинѣ Стольничества, и въ то время прилучился въ вотчинѣ своей: лежаше бо отъ ранъ подъятыхъ на Москвѣ, отъ Нижняго 120 поприщъ.»

Въ «Біографіи высшихъ правительственныхъ лицъ временъ Царя Михаила Ѳедоровича,» Академика К. И. Арсеньева, о Князѣ Пожарскомъ (стр. 22) сказано, что Сигизмундъ отнялъ въ 1612 году [33] у Князя Пожарскаго Ландешскую волость, и отдалъ ее нѣкоему приверженцу Ляховъ, безвѣстному Орлову. А далѣе, сочинитель говоритъ, что эта волость была возвращена Князю Пожарскому, въ 1621 году; значитъ, она, по мнѣнію сочинителя, оставалась отчужденною отъ 1611 до 1621 года.

Въ статьѣ П. И. Мельникова: «Нѣсколько новыхъ свѣдѣній о смутномъ времени» (помѣщенной въ Москвитянинѣ, за 1850 годъ, кн. 21), сочинитель выписываетъ событія этого времени по Лобковскому и Ельнинскому Хронографамъ, имъ найденнымъ въ Нижнемъ у тамошняго книжника-старинара Головастикова: «А въ начальники, кому ити подъ Москву (говорится въ Лобковскомъ Хронографѣ), обрали Стольника Князя Дмитрія Михайловича Пожарскаго, который былъ въ то время въ своей вотчинѣ въ Суздальскомъ Уѣздѣ.» А въ примѣчаніи къ этому мѣсту Г. Мельниковъ добав-

---

[32] «Изборникъ Славянскихъ и Русскихъ сочиненій и статей, внесенныхъ въ хронографы Русской редакціи,» А. Н. Попова. Москва, 1869, стр. 353.

[33] Годъ показанъ тутъ невѣрно; ибо Сигизмундова грамота дана въ Августѣ 1612 года. Не допускаемъ чтобы подобная ошибка произошла отъ столь ученаго лица, какъ Г. Арсеньевъ, а тутъ, вѣроятно, опечатка.

ляетъ: «а не въ Пурехѣ, который, между прочимъ, тогда не принадлежалъ Пожарскому, а пожалованъ былъ ему Царемъ Михаиломъ Ѳедоровичемъ.» Г. Мельниковъ не допускаетъ, чтобы Пуреха могла быть въ Суздальскомъ Уѣздѣ, а ратуетъ, какъ и Г. Смирновъ, за Ландиху.

Въ «Журналѣ М. В. Д.,» за 1831 г., кн. V, сказано, въ статьѣ: «О Нижегородскихъ историческихъ древностяхъ» (стр. 166—167), что по писцовымъ книгамъ 1623 г. значится: «Боярину Князю Дмитрію Михайловичу Пожарскому дано въ вотчину за службу, за Московское очищеніе, да за службу жъ за Московское осадное сидѣнье въ Королевичевъ приходъ подъ Москву [34] Пурехская волость» и проч. [35] Свѣдѣніе это уже по тому не вѣрно, что за Московское сидѣнье въ Королевичевъ приходъ въ 1618 и 1619 г. дана была Князю Пожарскому грамота отъ 19 Сентября, 1619 года, на Ростовскаго Уѣзда село Ильинское, и на Московскаго Уѣзда сельцо Вельяминово. Что же касается до писцовыхъ книгъ 1623 г., то странно, по чему сочинитель не указываетъ съ большою точностію, гдѣ они находятся. Въ «Собраніи государственныхъ грамотъ и договоровъ,» Графа Румянцова, не только нѣтъ никакой особой грамоты на пожалованіе Князю Пожарскому Пуреха, но о томъ даже не упоминается и въ тѣхъ (двухъ) грамотахъ на имя Князя, въ которыхъ находится указаніе на не дошедшую до насъ грамоту на село Мытъ, данную въ 1613 г. Но допустивъ даже непогрѣшительность свидѣтельства писцовыхъ книгъ, что Пурешская волость «дана въ вотчину» Князю Пожарскому въ 1623, это обстоятельство не только не противорѣчитъ нашему мнѣнію о пребываніи Князя Дмитрія Михайловича въ Пурехѣ, въ 1611 году, но еще болѣе подкрѣпляетъ его. Извѣстно, что въ вотчину обращались имѣнія изъ помѣстья; значитъ, Пуреха, прежде чѣмъ была обращена въ вотчину Князя Пожарскаго, была его помѣстьемъ.

Въ «Журналѣ М. В. Д.,» за 1839 г., ч. XXXIII, сказано, между прочимъ, что Пуреха была смежною съ Жарскою волостію, родо-

---

[34] Походъ Королевича Владислава на Москву былъ лѣтомъ 1618 года.

[35] Подлинной жалованной грамоты на Пуриху не имѣется въ «Собр. гос. грам. и догов.,» изданныхъ Малиновскимъ. Кромѣ статьи въ Журналѣ М. В. Д. за 1831 г., кн. V, о которой идетъ рѣчь, не видно нигдѣ, чтобы Пуреха пожалована была Кн. Дмитрію Махайловичу Царемъ Михаиломъ Ѳеодоровичемъ, какъ утверждаетъ П. И. Мельниковъ.

вымъ имѣніемъ Князя Пожарскаго. Свѣдѣніе это весьма важно, и мы возвратимся къ нему въ послѣдствіи; но странно, однако же, что родовое (а не вновь пожалованное) имѣніе могло быть подкрѣплено, или обращено въ вотчину, какъ упоминается въ предыдущей выпискѣ изъ писцовыхъ книгъ за 1623 годъ.

Въ томъ же изданіи за 1840 г., ч. XXXIV, въ статьѣ: «Историческое обозрѣніе Нижняго Новгорода и его Губерніи,» сказано (на стр. 389), что въ то время (въ 1611 году) Князю Пожарскому принадлежалъ Пурехъ въ Балахнинскомъ Уѣздѣ. [36] Вотъ уже противорѣчіе, указанному въ Журналѣ М. В. Д. за 1831 г., кн. V (выше приведенное).

Въ «Біографіи Князя Дмитрія Михайловича Пожарскаго, Н. Чичагова» (С.-Петербургъ, 1848 г.), читаемъ, что ему достались послѣ отца два помѣстья: волости Пурешская, въ 120 верстахъ отъ Нижняго, и Ландешская, [37] и что послѣднее помѣстье пожаловано въ послѣдствіи Князю въ потомственное владѣніе, или, по тогдашнимъ выраженіямъ, обращено въ вотчину (стр. 47). Далѣе говорится то же, что въ статьѣ К. И. Арсеньева (смотри выше), что приверженецъ Литвы, Григорій Орловъ, проситъ Короля Сигизмунда и его сына, чтобы, за вѣрную службу его «и за измѣну Князя Дмитрія Пожарскаго, который отъѣхалъ въ воровскіе полки и раненъ, сражаясь съ Королевскими войсками, когда мужики измѣнили въ Москвѣ, отдано было просителю помѣстье, Пожарскаго село Ландехъ съ деревнями.» Это помѣстье по предложенію Гонсевскаго и приговору Московской Думы, укрѣплено, согласно просьбѣ Орлова, грамотою Сигизмунда, отъ 17 Августа, 1611 года (стр. 52). Чичаговъ совершенно правъ. Въ «Собраніи государственныхъ грамотъ и договоровъ,» въ томѣ II, № 267, въ слѣдъ за челобитной Орлова о пожалованіи ему Суздальскаго Уѣзда сельца Нижняго Ландеха съ деревнями, принадлежавшихъ Князю Пожарскому, находится на оборотѣ слѣдующая помѣта: «Милостивые Пане, Иванъ Тарасьевичъ! Доложа Бояръ Князя Федора Ивановича

---

[36] Всѣ три выписки изъ журн. М. В. Д. мы дѣлаемъ по случаю ссылки на нихъ Г. Семенова, въ его Географическомъ словарѣ.

[37] Что Ландешская волость была родовая, подлежитъ отчасти сомнѣнію. Мы прочли въ одномъ рукописномъ документѣ, хранящемся въ бывшей Чертковской Библіотекѣ (смотри ниже), что Ландешская волость была пожалована Князю Пожарскому Царемъ Василіемъ Шуйскимъ, изъ Государевыхъ земель.

с товарищи, и известивша и саветъ, прикгожо, по ихъ приговору, дать грамоту Асударскую жалованную.» За тѣмъ подпись: «Александръ Корвинъ Гонсевскій (Гонсевскій) челомъ бьетъ.» За тѣмъ грамота Польскаго Королевича: «Отъ Царя и Великаго Князя Владислава Жигмонтовича всея Руссіи в Суздальскій Уѣздъ, в Село Нижнее Ландехъ, в деревню Вашнево, в деревню Шарготово, в Топорово, в деревню Плоховскую, в деревню Ханѣевскую, в деревню Сидорову, в деревню Пронино, в деревню Борисово и Починокъ Турсеневъ, в починокъ Лавровъ, в деревню Сысоеву, починокъ Коптеревъ, в деревню Денисовскую, Доронинская то жъ, в деревню Фоминскую, в деревню Крутикову, в деревню Кульево, другое, в деревню Дубовое, Дубовище то жъ, в деревню Филисцову, в деревню Трехово и починокъ Выходной, в деревню Вамещикирешено, в деревню Рахманову, в деревню Залѣшную, в починокъ Федоровъ, в пустошь Турову, в пустошь Ондрееву, в пустошь Шубино, в пустошь Заблевцово, в пустошь Бабинскую, в пустошь Дѣеву, в пустошь Котрехову, в пустошь Денисову, другое, в пустошь Павкину, в пустошь на речке на Ландехе, в пустошь Деревенки, в пустошь Смѣлково, что было то село и деревни, и починки, и пустоши, и поместье за Князь Дмитріемъ Пожарскимъ, и Князь Дмитрей намъ измѣнилъ, нынѣ у воровъ в полкѣхъ, всѣмъ крестьянамъ, которые в томъ селѣ и в деревняхъ и в починкахъ живутъ и на пустошахъ учнутъ жити. Пожаловали есмя тѣмъ Князь Дмитріевымъ помѣстьемъ Григорья Никитина сына Орлова, в его окладъ в пять сотъ четверти в помѣстье со всѣми угодьи. А по выписи изъ Болшаго Дворца за приписью Дьяка Фомина Голинищева 117 (1609) году, в томъ селѣ, и в деревняхъ, и в починкахъ, и в пустошахъ, написано пашни и перелогу триста шестьнадцать четверти въ поле, а в дву по тому жъ. И вы бъ всѣ крестьяне, которые в томъ селѣ и в деревняхъ и в починкахъ живутъ, и на пустошахъ учнутъ жити, Григорья Орлова слушели, пашню на него пахали и доходъ ему помѣщиковъ платили. Писанъ на Москвѣ лѣта 7119 (а отъ Р. Х. 1611), Августа в 17 день.» Какимъ же образомъ могъ Князь Пожарскій спокойно лѣчиться отъ ранъ въ Ландехѣ, въ Октябрѣ, когда помѣстье это принадлежало уже съ Августа Орлову, который, безъ сомнѣнія, могъ уже вступить во владѣніе онымъ, такъ какъ Москва была занята Поляками, и въ ея окрестностяхъ находился Гетманъ Жолкевскій съ значительными силами? Продолжаемъ пересмотръ всѣхъ документовъ, относящихся къ этому времени.

Въ статьѣ о Нижегородскихъ древностяхъ, въ Журналѣ М. В. Д., за 1831 г., кн. V, упоминается, что, кромѣ Пурешской волости, была у Кн. Дмитрія Михайловича въ Балахнинскомъ нынѣ Уѣздѣ, и наслѣдственная «Жарская волость.» «А жительство онъ имѣлъ (продолжаетъ сочинитель статьи), въ своемъ помѣстьѣ въ селѣ Юринѣ въ 30 верстахъ отъ Балахны (по бывшей прежде большой Московской дорогѣ), въ которомъ онъ имѣлъ домъ и гдѣ по нынѣ видѣнъ прудъ, называемый Ялынецъ, «и тамъ были двѣ церкви, имъ построенныя, въ одной изъ коихъ (доселѣ сохранившейся) Казанской есть большой надгробный камень со стертою надписью и видѣнъ лишь годъ 7148 (1640), а по преданію старожиловъ тутъ будто бы былъ погребенъ Князь Пожарскій.» Статья эта писана почти двадцать лѣтъ до открытія могилы Князя Пожарскаго въ Суздальскомъ Евѳиміевомъ монастырѣ, да и, кромѣ того, обозначенный на камнѣ годъ не совпадаетъ съ годомъ кончины Князя Дмитрія Михайловича, преставившагося въ концѣ 1662 года. [38]

Въ «Запискахъ Императорскаго Археологическаго Общества,» т. X, въ статьѣ Архимандрита Макарія (нынѣ Епископа Орловскаго и Сѣвскаго): «Памятники церковныхъ древностей Нижегородской Губерніи,» сочинитель, говоря о помѣстьяхъ и вотчинахъ Князя Пожарскаго въ Балахнинскомъ Уѣздѣ, указываетъ на село Бурцево, и на другое бывшее село, а нынѣ деревню, Юрино (стр. 316—319). Послѣднее селеніе отстоитъ отъ Бурцева въ 6 верстахъ, а отъ Пурехи въ 20 верстахъ. «Село Бурцево составляетъ нынѣ половинную часть волости, называемой «Жарской,» отъ фамиліи Князя Дмитрія Михайловича Пожарскаго, у котораго было здѣсь помѣстье.» О деревнѣ же Юринѣ, говорится, что «она была родовою вотчиною Князя Дмитрія Михайловича, что тамъ были двѣ деревянныя церкви, построенныя имъ, изъ коихъ одна давно сгорѣла, а другая, Казанская, хотя давно упразднена, но не нарушена доселѣ, и что въ Юринѣ находился домъ Князя Димитрія Михайловича. Судя по пруду (продолжаетъ сочинитель), почти заросшему травою, но по сю пору, называемому «Князевымъ,»

---

[38] Странно, что Чичаговъ, въ своей Біографіи Князя Пожарскаго, говоритъ (на 161 стр.), что кончина его послѣдовала въ 1640 году, тогда какъ въ лѣтописныхъ актахъ того времени (изъ бумагъ Малиновскаго, хранящихся въ бывшей Чертковской Библіотекѣ), читаемъ, что въ Сентябрѣ 1642 г. Боярин Князь Пожарскій былъ въ числѣ приглашенныхъ къ Царскому столу.

надобно думать, что Княжій домъ стоялъ въ 200 саженяхъ отъ церкви, къ востоку. Слѣды бывшаго дома остаются по сіе время, хотя самое мѣсто заросло лѣсомъ и обращено въ пахатную землю, среди которой попадаются еще отъ зданій древніе кирпичи.»

Въ «Біографіи Князя Дмитрія Михайловича Пожарскаго (Москва, 1817 года) говорится, на 31 страницѣ, что Сухоруковъ поспѣшилъ направить путь въ Пурешскую волость, гдѣ Князь Дмитрій Михайловичъ «заживлялъ на тѣлѣ свои раны, не могши зажить на сердцѣ своемъ.»

Въ «Никоновской лѣтописи» сказано только (часть 8, стр. 175): «Князю же Димитрію Михайловичу в то время [39] бывшу у себе в вотчине, лежащу отъ ранъ, отъ Нижняго 120 поприщь,» и ничего болѣе!

Въ «Лѣтописи о многихъ мятежахъ» (въ С.-Петерб. изданіи 1771 г. и въ Московскомъ 1788 г.) читаемъ (на стр. 247, перваго изъ сихъ изданій): «и вздумаша (Нижегородцы) послати Архимандрита Феодосія, да изъ всѣхъ чиновъ лучшихъ людей къ Князю Дмитрію же Михайловичу, въ то время бывшу у себе въ вотчинѣ, лежащу отъ ранъ, отъ Нижняго 120 поприщь.» То же самое и въ Московскомъ изданіи на стр. 234 и 235.

С. К. Смирновъ отдаетъ преимущество Ландеху, на томъ единственно основаніи, что разстояніе въ 120 поприщахъ отъ Нижняго подходитъ болѣе къ этому селу, нежели къ Пурехѣ, отстоящей отъ Нижняго менѣе, чѣмъ въ 80 верстахъ, а Г. Мельниковъ также указываетъ на Ландеху, по тому что, по его мнѣнію, Пуреха не входила тогда въ Суздальскій Уѣздъ, и что даже она не принадлежала еще въ то время Князю Пожарскому. Но, вѣдь, тѣ лѣтописи, въ коихъ разстояніе отъ Нижняго до мѣстопребыванія Князя Пожарскаго осенью 1611 года, въ 120 поприщъ, были, безъ сомнѣнія, извѣстны Малиновскому, Чичагову, Устрялову и Архимандриту Макарію не менѣе, чѣмъ Гг. Смирнову и Мельникову, однако же они не затруднялись указывать на Пуреху, какъ на мѣстонахожденіе въ то время Князя Пожарскаго. Что же касается до доводовъ Г. Мельникова, то они упадаютъ передъ свѣдѣніями, уже высказанными, что Пуреха входила въ составъ «Жарской

---

[39] То есть, послѣ Московскаго разгрома, въ Мартѣ 1611 года.

волости,» каковая была наслѣдственнымъ помѣстьемъ Князя Дмитрія Михайловича!

Въ виду же ссылки Г. Смирнова на Журналъ М. Н. П. за 1852 г. (Апрѣль, Смѣсь), въ подкрѣпленіе своего мнѣнія о Ландехѣ, мы тамъ нашли выписку изъ статьи вотчиннаго ревизора село Ландехи, Г. Елшина, помѣщенной въ неофиціяльной части Владимирскихъ Губернскихъ Вѣдомостей за 1825 г., № 11, въ коей сочинитель основываетъ свое убѣжденіе, что тамъ лѣчился отъ ранъ Князь Пожарскій, на томъ: 1) «Что село это отстоитъ въ 120 верстахъ отъ Нижняго. 2) Что тамъ въ вотчинномъ архивѣ сохранились старые документы, гдѣ сказано, что изъ выписи 166 (1658) года изъ Суздальскихъ книгъ 136 и 137 (1628 и 1629) годовъ, эта вотчина была дана Князю Пожарскому при Царѣ Васильѣ Шуйскомъ за Московское его осадное сидѣнье, и подтверждено жалованною грамотою Царя Михаила Ѳедоровича въ 129 (1621) году. 3) Что по этой выписи значится, что въ селѣ Нижнемъ Ландехѣ былъ «вотчинный дворъ и служніе дворы,» въ которыхъ проживала его прислуга. И хотя въ нѣкоторыхъ другихъ документахъ (продолжаетъ сочинитель статьи) обозначены также дворы вотчинниковъ и въ другихъ его помѣстьяхъ, но тѣ дворы не иначе разумѣть должно, какъ приказныя избы (?) или вотчинныя правленія, по тому что при нихъ не состояло такихъ слугъ, какіе потребны для господскаго дома (?). 4) Что, по преданію старожиловъ, одно возвышенное мѣсто при рѣкѣ Ландехѣ, на которомъ нынѣ стоятъ крестьянскіе домы, именуется по нынѣ «Княжею горою.» 5) Что документы не только на это имѣніе, но и на другія сосѣднія Суздальскія его вотчины, находились въ Нижнемъ Ландехѣ, какъ въ мѣстѣ его пребыванія, изъ коихъ нѣкоторыя сберегліись доселѣ, какъ, на примѣръ, на селы: Мытъ, Верхній Ландехъ и Пестяки (нынѣ въ Гороховецкомъ Уѣздѣ) и на Волжино, Мугрѣево то жъ, и Холуйскую слободу (въ Вязниковскомъ Уѣздѣ); въ послѣдней были соляныя варницы.» Что Ландешская волость была первоначально пожалована Князю Пожарскому Царемъ Васильемъ Шуйскимъ, а въ послѣдствіи обращена въ потомственное владѣніе грамотою Царя Михаила Ѳедоровича, мы и безъ того знали, а вся за тѣмъ остальная аргументація на столько слаба, и даже не относится къ разрѣшенію вопроса о мѣстожительствѣ Князя Пожарскаго осенью 1611 года, что противъ нея не стоитъ и возражать; что же касается до господскаго дома,

и до мѣстнаго названія на «Княжей горѣ,» то противъ этого доказательства укажемъ на остатки господскаго дома и въ деревнѣ Юринѣ.

Для всесторонняго разсмотрѣнія этого утвержденія мы обратились къ Владимирскому Губернскому Статистическому Комитету съ просьбою сообщить намъ, не имѣется ли тамъ какихъ либо историческихъ данныхъ о Нижнемъ Ландехѣ, какъ о господской осѣдлой усадьбѣ Князя Пожарскаго, въ слѣдствіе чего редакторъ неофиціяльной части Владимирскихъ Губернскихъ Вѣдомостей, Г. Тихонравовъ, обязательно намъ сообщилъ всѣ имѣющіяся на мѣстѣ свѣдѣнія о томъ. Къ сожалѣнію, мы ничего тамъ новаго не нашли, и Г. Тихонравовъ, придерживаясь, мнѣнію что тамъ именно и лѣчился Князь Пожарскій осенью 1611 года, приводитъ точь въ точь, аргументы, какъ и Г. вотчинный ревизоръ Елшинъ. [34]

Такъ какъ, кромѣ выше означенныхъ источниковъ, мы не знаемъ другихъ, въ коихъ бы говорилось о мѣстонахожденіи Князя Пожарскаго осенью 1611 года, а въ высказанныхъ нами встрѣчаются противорѣчивыя мнѣнія, то необходимо разсмотрѣть, вполнѣ ли отвѣтствована прежняя путевая мѣра «поприще», нынѣшней верстѣ, а за тѣмъ попытаться опредѣлить, входила ли Пурешская волость въ началѣ XVII вѣка въ составъ Суздальскаго Уѣзда, или, какъ выражаются оныя лѣтописи, Суздальской земли?

Во второй половинѣ XVII вѣка въ верстѣ считалось 700, а прежде того 1000 саженъ сажени; же въ первомъ случаѣ были нѣсколько менѣе нынѣшнихъ, а во второмъ (т. е., въ первой половинѣ того вѣка), и того менѣе. Кромѣ того до 1648 года сажени разумѣлись маховыя, а не трехъаршинныя, какъ это видно изъ рукописи, находящейся въ Императорской Публичной Библіотекѣ, гдѣ сказано: «Четверогранно поприще (т. е., квадратная верста), вдолготу и впреки по обѣма концома мужескъ обою рукъ саженъ тысяща.» Такимъ образомъ если маховую сажень считать въ 36 вершковъ, то 1000 таковыхъ саженъ составитъ 750 нынѣшнихъ. [40] Итакъ, если мы будемъ строго придерживаться указанному разстоянію во 120 поприщъ, то, по только что сдѣлан-

---

[40] Такъ какъ, кромѣ этой выписки изъ статьи Г. Елшина, Г. Тихонравовъ сообщилъ намъ нѣкоторыя другія любопытныя свѣдѣнія (хотя не относящіяся къ занимающему насъ вопросу), то мы помѣщаемъ ихъ въ концѣ настоящей статьи.

ному расчету, выйдетъ, что мѣстопребываніе раненаго Князя Пожарскаго отстояло отъ Нижняго на 180 нынѣшнихъ верстъ, разстояніе, не подходящее ни къ Пурехѣ, ни къ Нижнему Ландехѣ. [41] А одинъ изъ выше упомянутыхъ біографовъ Князя Пожарскаго, Чичаговъ, говоритъ, что Пурешская волость была въ 120 верстахъ отъ Нижняго. Разнорѣчіе относительно разстоянія между мѣстомъ пребыванія Князя Пожарскаго осенью 1611 г. и Нижнимъ доказываетъ, что для разрѣшенія нашей задачи не должно основываться на этомъ единственно обстоятельствѣ. Отъ Пурехи до Нижняго Ландеха, [42] по нынѣшней транспортной дорогѣ, дѣлающей значительный крюкъ на село Пестяки, 46 верстъ, слѣдовательно, отъ Нижняго Новгорода до Ландеха 120 верстъ; но если выкинуть крюкъ въ 12 почти верстъ на село Пестяки, остается 108 верстъ. [43] Какъ бы ни были извилисты прежнія дороги (и не даромъ существуетъ доселѣ крестьянская поговорка, что прежнія планныя дороги прокладывались пьяными землемѣрами), трудно, однако же, допустить, чтобы разстояніе отъ Нижняго Новгорода до Ландеха (если принять мнѣніе, что тамъ лѣчился Князь Пожарскій) было въ 180 верстахъ (сто двадцать поприщъ), тогда какъ въ сущности оно съ настоящее время, по прямому направленію, составляетъ 108 верстъ, и отнюдь не болѣе 120 верстъ съ уклоненіемъ на Пестяки. Сторонники мнѣнія, что поприще и верста были тождественны въ началѣ XVII вѣка, и на этомъ основаніи предполагающіе, что Князь Пожарскій непремѣнно лѣчился въ Ландешской своей вотчинѣ, укажутъ, пожалуй, на нынѣшнее разстояніе отъ Нижняго въ 120 верстахъ, какъ на подтвержденіе ихъ мнѣнія; но они упускаютъ изъ виду, что 120 тогдашнихъ семисотныхъ верстъ равны 180 нынѣшнимъ, какъ это указано нами выше. Мы говорили по сю пору о размѣрѣ поприщъ, принятомъ въ XVII вѣкѣ, но въ болѣе глубокой старинѣ размѣръ ихъ былъ совершенно иной, какъ явствуетъ изъ Житія Преподобнаго Ѳеодосія Печерскаго, писаннаго Несторомъ около 1100 года, гдѣ говорится: «Городъ есть отстоящій отъ Кіева, стольнаго града, на восьми поприщахъ, по имени Василевъ.» Это Уѣздный нынѣ го-

---

[41] Энциклопедическій лексиконъ. Спб. 1837, слово «верста», стр. 519.

[42] Пуреха, какъ сказано выше, отъ Нижняго только 74 версты.

[43] У мѣстныхъ жителей село это называется нынѣ Нижняя Ландиха, а равномѣрно и другое село не подалече отъ него—Верхняя Ландиха.

родъ Васильковъ, отстоящій отъ Кіева въ 38 верстахъ. Значитъ, что въ XII вѣкѣ поприще ровнялось $4^3/_4$ верстамъ. Это доказываетъ, что значеніе поприща подвергалось частымъ измѣненіямъ. Изъ всего сказаннаго очевидно, что, для достиженія конечной цѣли настоящаго изслѣдованія, нужно прибѣгнуть къ другимъ соображеніямъ.

Мы уже видѣли въ одной статьѣ Журнала М. В. Д. за 1831 годъ (кн. V), что по писцовымъ книгамъ 1623 года значится, что Пурешская волость дана была въ вотчину Князю Пожарскому за Московское очищеніе; но указаніе это мы не считаемъ совершенно достовѣрнымъ по выше изложеннымъ уже причинамъ. Изъ другихъ статей того же Журнала Министра Внутреннихъ Дѣлъ (по ссылкѣ же на нихъ Г. Семенова) узнаемъ, что Пуреха была смежною съ Жарскою волостью [44] и что въ 1611 году Князю Пожарскому принадлежало село Пурехъ въ Балахнинскомъ Уѣздѣ. [45] Мы уже допустили, что въ 1623 году Пурешская волость могла быть обращена въ вотчину Князя Пожарскаго. Это отнюдь не препятствуетъ, чтобы она не принадлежала ему и прежде, какъ помѣстье. Такимъ образомъ самими этими документами уже опровергается положительность мнѣнія, будто бы Кн. Пожарскій не могъ быть въ Пурехѣ въ 1611 году. Сигизмундова грамота, въ слѣдствіе приговора крамольныхъ Бояръ, въ Августѣ 1611 года, о пожалованіи Григорію Орлову Ландешской вотчины, есть уже вѣское доказательство, что не могъ же Князь Пожарскій продолжать жить позднею осенью того же года въ отчужденной отъ него вотчинѣ. За тѣмъ перейдемъ къ сохранившимся жалованнымъ грамотамъ Михаила Ѳеодоровича на имя Князя Пожарскаго.

Г. Смирновъ говоритъ, что 30 Іюля, 1613 года, т е. (двѣнадцать дней по вѣнчаніи на царство Михаила Ѳеодоровича), дана была Князю Пожарскому жалованная грамота на его прежнее помѣстье, Нижній Ландехъ (стр. 84), въ доказательство чего ссылается въ примѣч. на «Собр. гос. грам. и догов.,» т. III, № 56. Но ссылка его несовершенно вѣрна. Грамота, на которую онъ указываетъ, дана Кн. Пожарскому не ранѣе 5 Іюня, 1621 года, и

---

[44] Послѣднія эти свѣдѣнія мы получили отъ Г. Тихоправова, редактора неоффиціяльной части Владимирскихъ Губерн. Вѣдомостей.

[45] Журналъ М. В. Д. за 1839 г., ч. XXXIII.

на нее же сочинитель ссылается въ послѣдствіи (стр. 115), говоря, что Князь Пожарскій получилъ 5 Іюля, 1621 г., крѣпостную грамоту и Нижній Ландехъ (значило бы, вторично на одну и ту же вотчину?). Правда, что сочинитель тутъ же включаетъ посадъ Холуй съ деревнями, а въ первой своей ссылкѣ на грамоту отъ 30 Іюня, 1613 года, онъ упоминаетъ только о Нижнемъ Ландехѣ. Но по повѣркѣ выходитъ, что ни одной грамоты на пожалованіе исключительно Нижне-Ландешской волости, или помѣстья, нѣтъ, а въ грамотѣ отъ 5 Іюля, 1621 года, упоминается дѣйствительно, что оною подтверждается прежняя отъ 1613 г., по которой обращено въ вотчину старое его помѣстье, жалованное Царемъ Васильемъ Шуйскимъ, село Мытъ съ приселкомъ Нижнимъ Ландехомъ и Холуйскимъ посадомъ. Грамота эта не дошла до насъ въ подлинникѣ.

Для опредѣленія сколько возможно пространства, занимаемаго всею Ландешскою вотчиною, разсмотримъ первоначально жалованную грамоту отъ 5 Іюля, 1621 года:

„Божіею милостію Мы, Великій Государь Царь и Великій Князь Михаилъ Феодоровичъ и проч. Пожаловали есмя Боярина нашего Князя Димитрія Михайловича Пожарскаго старою его вотчиною, что дана ему при Царѣ и Великомъ Князѣ Васильѣ Ивановичѣ всея Русіи, за Московское осадное сидѣніе, въ вотчину изъ его стараго помѣстья, и жалованная грамота на ту вотчину дана въ прошломъ 7121 (1613) году, [46] а въ той жалованной грамотѣ, какова ему дана въ прошломъ 7121 (1613) году, Іюля въ 30 день, написано: пожаловали есмя за его службу, что онъ при Царѣ Васильѣ, памятуя Бога и Пречистую Богородицу и Московскихъ Чудотворцевъ, будучи въ Московскомъ Государствѣ въ нужное и прискорбное время, за вѣру крестьянскую и за святыя Божія церкви и за всѣхъ Православныхъ крестьянъ, противъ враговъ нашихъ, Польскихъ и Литовскихъ людей и Рускихъ воровъ, которые Московское Государство до конца хотѣли разорить и вѣру крестьянскую попрать, и онъ, Бояринъ нашъ, Князь Димитрій Михаиловичъ, будучи на Москвѣ въ осадѣ, противъ тѣхъ враговъ нашихъ стоялъ крѣпко и мужественно, и къ Царю Василью и къ Московскому Государству многую службу и дородство показалъ, голодъ и во всѣмъ ску-

[46] Не мудрено, что поводомъ къ этой грамотѣ (подлинникъ коей не сохранился) могло служить то, что между 1611 и 1613 г. Ландешскою вотчиною владѣлъ еще тотъ же Григорій Орловъ, сторонникъ Королевича Владислава.

дѣнье и всякую осадную нужду терпѣлъ многое время, и на воровскую прелесть и смуту ни на которую не покусился, стоялъ въ твердости,» и проч.... «И напередъ сего за тѣ службы, за Царя Васильево осадное сидѣнье, Мы, Великій Государь Царь и Великій Князь Михайло Ѳедоровичъ всея Русіи, пожаловали Боярина нашего, Князя Дмитрія Михайловича Пожарскаго, въ Суздальскомъ Уѣздѣ села Мыту [47] триселкомъ Нижнимъ Ландехомъ, да Холуй посадецъ, да къ сему же къ Нижнему Ландеху деревни: деревнею Василевою, на рѣчкѣ на Ландехѣ, деревнею Шарготовою, Горшково тожъ, деревнею Торопою, Шиловское тожъ, на рѣчкѣ на Ландехѣ, деревнею Плоховскою на рѣчкѣ на Ландехѣ, деревнею Нанѣевскою, Гавриловское тожъ, на рѣкѣ на Курехѣ, деревнею Сидоровою, деревнею Прониною, деревнею Борисовою, деревнею Сысоевою, Смышляево тожъ, деревнею Денисовскою, Дорнинское тожъ, на рѣчкѣ на Савинѣ, деревнею Фоминскою, Денисовское тожъ, на рѣкѣ на Вастернѣ, деревнею Крутиковою, Исаковское тожъ, на рѣчкѣ на Вастернѣ, деревнею Кулыевою, Селиваново тожъ, на рѣкѣ на Кулыевѣ, деревнею Кулыево другое, на рѣчкѣ на Кулыевѣ жъ, деревнею Дубовое, Дубовище тожъ, Шишелово тожъ деревнею Филисовою, на рѣчкѣ Кирѣевкѣ, деревнею Котреховскою, Кузминское тожъ, на Мездрѣевкѣ, деревнею Выходною на рѣчкѣ Кирѣевкѣ, Помыкаловское тожъ, деревнею Выменщики, Кирюшино тожъ, деревнею Рахмановою, Рахманцово тожъ, на рѣчкѣ на Ландехѣ, деревнею Залѣскою, Кузили тожъ, деревнею Заблецовою, Ивановское тожъ, на рѣчкѣ на Курехѣ, [48] деревнею Дѣевою, на рѣчкѣ на Савинѣ, деревнею Котреховою, на рѣчкѣ на Мездрѣевкѣ, деревнею Гребенскою, Матюшкинская тожъ, деревнею Якунинскимъ Займищемъ, деревнею Коркинскою, Чурканское тожъ, деревнею Денисовскою, Демидовское тожъ, деревнею Пашкино, Даниловское тожъ, починкомъ Марковымъ, починкомъ Агафонов-

---

[47] Особенную пожалованную грамоту на с. Мытъ съ деревнями, отъ 19 Сентября, 1620 г., мы нашли въ рукописи въ бывшей Чертковской Библіотекѣ, не взошедшею въ «Собр. Гос. грам. и догов.,» изданное Малиновскимъ, но не считаемъ нужнымъ ее выписывать, такъ какъ она не относится ни въ чемъ къ занимаемому насъ вопросу. Правильнѣе было бы, намъ кажется, біографамъ Князя Пожарскаго говорить о Мытской, нежели о Ландешской, волости, такъ какъ послѣдняя изъ нихъ была укрѣплена грамотою годъ спустя послѣ укрѣпленія Мытской волости.

[8] Нынѣшнее ли это с. Иваново (Шуйскаго Уѣзда)?

скимъ, а Яркино тожъ, починкомъ Федоровымъ, починкомъ Коравкинымъ, починкомъ Андреевымъ, починкомъ Шубинымъ, починкомъ Спиридоновскимъ, на рѣкѣ на Сырѣвкѣ, починкомъ Никитинскимъ, починкомъ Лавровымъ, на рѣчкѣ на Вракѣ, починкомъ Туриловымъ, на рѣчкѣ на Пучежѣ, починкомъ Фоминыт, Колтырино тожъ, на устьѣ рѣчки Пуреха, деревнею Фураево, Петруниское тожъ, починкомъ Колѣнковымъ, Щербинино тожъ, починкомъ Коптеревымъ, Петушкинское тожъ, пустошью Коровиною Коростино тожъ, пустошью Турово Раменье, Ширяевское тожъ, пустошью Смѣлковою, пустошью Деревенками, пустошью Умавою, Батюнино тожъ, на рѣчкѣ на Ландехѣ, пустошью Карпавщиною, пустошью Исаковою, пустошью Клюкиною, Іоново тожъ, пустошью Медвѣжья, пустошью Гавриловою, пустошью Медвѣдскою, пустошью Дубковою, пустошью Андрейковою, пустошью Чигаровою, пустошью Перминою, пустошью Палковою, пустошью Бабинскою, пустошью Микульскою. А по памяти изъ Большаго Дворца, за приписью Дьяка нашего Семенова, 7129 (1621) года, Марта въ 12 день, въ Суздальскихъ книгахъ письма и мѣры Луки Новосильцева съ товарищи 7092 (1584) года, въ селѣ Нижнемъ Ландехѣ, и въ посадѣ Холуѣ, и въ деревняхъ, и въ починкахъ, и въ пустошахъ, написано: пашни паханыя на оброкѣ и на льготѣ, и перелогомъ и лѣсомъ поросло худыя земли доброю землею, съ наддачею триста семьдесятъ пять четьи въ полѣ, и въ дву по тому жъ, Царя Василья жалованныхъ грамотъ и тѣхъ, которыя за Царя жъ Васильева осадное сидѣніе, по нашему Царскому Указу даваны нами грамоты при нашей Царской державѣ, слушали, и въ тѣхъ прежнихъ жалованныхъ грамотахъ [49] про тѣ вотчины, по Царь Васильеву уложенію написано некрѣпко, не противъ нашего Царскаго жалованья нынѣшняго Указу, что по нашему Царскому милосердому призрѣнію даваны вотчины Боярамъ нашимъ.... И Мы Великій Государь Царь» и проч.,, пожаловали Боярина нашего Князя Дмитрія Михайловича Пожарскаго за ту Царю Васильеву Московскую осаду, указали ту вотчину, что ему дана изъ его жъ помѣстья при Царѣ Васильѣ [50] и при насъ, Великомъ Государѣ,

---

[49] А въ одномъ изъ документовъ, относящихся къ раздѣлу сыновей и внуковъ Князя Дмитрія Михайловича (въ рукописяхъ, хранящихся въ бывшей Чертковской Библіотекѣ), мы прочли, что пожалованное Царемъ Васильемъ Шуйскимъ помѣстье было изъ Государевыхъ вотчинъ.

[50] Тутъ подразумѣвается, вѣроятно, прежняя грамота на Ландехъ отъ 1613 года.

пополнити и подкрѣпити новою нашею Царскою жалованною грамотою, и по нашей Государской Милости владѣти ему тою вотчиною по тому жъ, какъ написано въ нынѣшнихъ нашихъ жалованныхъ грамотахъ, которыя по нашему Указу на вотчины даваны Боярамъ нашимъ и всякихъ чиновъ людямъ, и проч.... въ той вотчинѣ, что дано Бояринъ нашему Князю Дмитрію Пожарскому за Царя Васильева осаду, изъ стараго ему помѣстья, и въ той вотчинѣ онъ, Бояринъ нашъ, Князь Дмитрій Михайловичъ Пожарскій, и его дѣти, и внучата, и правнучата, вольны, и вольно ему и его дѣтямъ, и внучатамъ, и правнучатамъ та вотчина продать, и заложить, и въ приданые, и въ монастырь по душѣ до выкупу дать» и проч. [51]

Ясно, что эта жалованная грамота отнюдь не относится къ заслугамъ Князя Пожарскаго въ 1612 году, а къ его прежнимъ, при Царѣ Васильѣ Шуйскомъ, и ею обращается въ вотчинное право не родовое, а пожалованное Шуйскимъ, помѣстье, безъ добавки новыхъ; за освобожденіе же Москвы онъ награжденъ былъ Боярскимъ саномъ. Нужно также обратить вниманіе и на то, что Царь находитъ, что пожалованная имъ въ 1613 году грамота на Ландешскую волость недостаточно крѣпка. Что бы это значило, если не то, что, не взирая на эту грамоту, Князь Пожарскій не вполнѣ еще владѣлъ ею до 1621 года?

За доблестныя же дѣйствія Князя Пожарскаго въ 1618 и 1619 годахъ, во время нашествія на Москву Королевича Владислава, ему пожалованы были Царемъ Михайломъ Ѳедоровичемъ, грамотою отъ 19 Сентября, 1619 года, въ Ростовскомъ Уѣздѣ село Ильинское съ приселкомъ Назорнымъ съ деревнями, да Московскаго Уѣзда сельцо Вельяминово съ пустошью Марѳиною, въ вѣчное и потомственное владѣніе. [52] Но нужно обратить вниманіе и на слѣдующія въ ней слова: «и обоего Ростовскаго и Подмосковнаго двѣсти тридцать одна четь въ додачу къ его Балахнинской да къ Суздальской вотчинамъ, осталось у него село Ильинское въ деревнѣ и пустошѣ за вотчиною триста семдесятъ девять четвертей,» и проч. Изъ этого видно, что въ 1619 г. было у Князя Пожарскаго помѣстье вблизи отъ Балахны; но, выставляя

---

[51] Собр. гос. грам. и догов. часть III, докум. № 56.

[52] Собр. госуд. грам. и догов. часть III, документъ № 48-й.

для большаго безпристрастья за и противъ, мы готовы допустить, что слова «въ додачу къ его Балахнинской и Суздальской вотчинамъ,» могутъ также относиться ко вновь пожалованному ему помѣстью вблизи Балахны, на которое указываютъ (быть можетъ) и писцовыя книги. Изъ чего состояло это пожалованное Балахнинское помѣстье, точныхъ указаній не осталось, но все таки не изъ Жарской же волости, бывшей родовой и въ составъ коей входило Юрино, гдѣ находилась господская Пожарскаго усадьба, и, по нашему соображенію, даже и Пуреха, по причинѣ недальнаго (въ 20 верст.) ея растоянія отъ Юрина. А что до помѣстья, обозначеннаго въ той грамотѣ «Суздальскимъ,» не думаемъ, чтобы этимъ подразумѣвались Мытская волость (пожалованная въ вотчину въ 1613 и вновь подкрѣпленная въ 1620 г.), или Ландехо-Холуйская, прикрѣпленная и обращенная въ вотчину въ 1621 году. Эти-то, Балахнинское и Суздальское, помѣстья и составляютъ Жарскую волость съ Пурехою и Юринымъ включительно. Подкрѣпленіемъ этого мнѣнія служитъ то, что въ рукописяхъ о раздѣльныхъ актахъ между наслѣдниками Князя Димитрія Михайловича (находящихся въ бывшей Чертковской Библіотекѣ) мы прочли (на оборотѣ 16 стр.) слѣдующее: «Да за ними же (дѣтьми Кн. Дмитрія Михайловича) отца ихъ старинныя вотчины во Суздалѣ Ряполовскомъ село Волосинено, Мугреево тожъ, съ деревнями.» [53] Село это не включено ни въ жалованной грамотѣ (рукописной) отъ 19 Сентября, 1620 г., на с. Мытъ съ деревнями, ни въ позднѣйшей грамотѣ отъ 5 Іюля, 1621 года, на Нижній Ландехъ съ посадомъ Холуя и верхнимъ Ландехомъ съ деревнями. [54] Приводимъ этотъ отрывокъ лишь въ опроверженіе довода, будто, кромѣ Ландешской волости, у Князя Пожарскаго въ 1611 году не было другого помѣстья въ Суздальскомъ Уѣздѣ (или землѣ, какъ выражаются иные лѣтописцы). Правда, что въ другомъ мѣстѣ раздѣльныхъ этихъ же актовъ читаемъ, что «въ 1651 году, 17 Марта, Княгини Федоры пасынку, Стольнику Князь

---

[53] Рукопись эта списана съ документовъ Гос. Коллег. Иностран. Дѣлъ въ Москов. Архивѣ, съ помѣтою: «Изъ Вотчиннаго Департамента.»

[54] Въ приведенной нами выше выпискѣ изъ статьи Г. Елшина (помѣщенной въ Владимир. Губ. Вѣдом. въ 1852 г.) говорится, что документы на Волосинино, Мугрѣево тожъ, находятся въ Ландешскомъ вотчинномъ архивѣ, но свѣдѣніе это отнюдь не доказываетъ, чтобы это село входило въ 1611 г. въ составъ Ландешской волости.

Ивану Пожарскому, Нижегородскихъ же ее, Княгини Федоры, въ Пурецкой волости поместье по тому именному указу отдано разнымъ челобитчикамъ» и проч. Изъ этого можно бы заключить, что въ 1651 году Пуреха входила въ составъ Нижегородской земли (или Уѣзда); но подобное административное раздѣленіе мѣстности легко могло произойти въ періодъ сорокалѣтняго промежутка, отдѣляющаго время лѣченія Князя Пожарскаго отъ ранъ въ своемъ помѣстьѣ отъ времени написанія этого послѣдняго акта.

Нужно было бы, конечно, доискаться, какое именно пространство занималъ въ началѣ XVII вѣка Суздальскій Уѣздъ, дабы чрезъ это опредѣлить, входилъ ли тогда Пурехъ (иначе Пуреха) въ составъ того Уѣзда. Источники по сему предмету весьма скудны. Мы надѣялись найти какія ни будь на то указанія въ книгѣ «Большой Чертежъ», составленной въ XVI вѣкѣ (при Годуновѣ) и дополненной при Царѣ Михайлѣ Ѳедоровичѣ въ 1626 году, но надежда эта не оправдалась. Тамъ описаны лишь наименованія и теченія большихъ и малыхъ рѣкъ (да и то, если не ошибаемся, лишь судоходныхъ) Европейскихъ и Средней и Южной Россіи (отчасти даже Азіятской), хотя тамъ и упоминается о многихъ и Русскихъ городахъ, стоящихъ при этихъ рѣкахъ, но ни о Суздалѣ, ни объ его Уѣздѣ, нѣтъ ни слова. Немного болѣе намъ посчастливилось, когда мы обратились къ Географ. и историч. атласу Рос. Государства, составленнаго И. Ахматовымъ. Тамъ, въ картѣ Россіи (№ 71) временъ Ивана III Васильевича (царствовавшаго отъ 1442 по 1505 годъ), [55] мы разсмотрѣли граничныя точки, обозначающія какое-то пространство, составляющее, какъ намъ показалось, а также и по мнѣнію призваннаго нами на помощь одного знающаго лица, Суздальскую землю, по тому что въ этомъ пространствѣ Суздаль обозначенъ болѣе крупнымъ шрифтомъ, нежели прочія мѣстности. Эта линія точекъ, хотя и не доходитъ къ востоку, до самаго Нижняго, но пересѣкаетъ Волгу, идя кверху между 56 и 57% широты, много выше самаго Нижняго, и, захватывая Заволжскую часть нынѣшней Нижегородской Губерніи, круто опять поворачиваетъ къ западу, за тѣмъ пересѣкаетъ вторично Волгу (все выше Нижняго) и направляется къ востоку и, изгибаясь совершенно параллельно съ крутымъ угломъ, образуемымъ Волгою и Окою, но не доходя вплоть къ берегамъ той и другой рѣки, примыкаетъ на

[55] Позднѣйшей за той эпохи карты Россіи въ Атласѣ, къ сожалѣнію, нѣтъ.

югѣ къ тому мѣсту, гдѣ рѣка Клязьма впадаетъ въ Оку. Размѣръ карты, къ сожалѣнію, такъ малъ, что опредѣлить съ точностію, гдѣ находится Балахна, не возможно, но, по видимому, вся западная часть Балахнинскаго Уѣзда (слѣдовательно, и Пурешская волость) включена въ пространство, образуемое линіею этихъ точекъ Другихъ указаній на пространство Суздальскаго (бывшаго въ то время) Уѣзда или Суздальской земли, относящихся къ XVII вѣку, не имѣется (на сколько намъ извѣстно) болѣе нигдѣ. [56]

Бросимъ же теперь бѣглый взглядъ на сущность пересмотрѣнныхъ нами документовъ и того, что написано по поводу занимающаго насъ вопроса. 1-е, Чтобы Ландешская волость не была родовымъ помѣстьемъ Князя Пожарскаго, нечего бы и говорить; но мы упоминаемъ объ этомъ только по тому, что иные основываютъ свое мнѣніе, на томъ, что Кн. Пожарскій лѣчился осенью 1611 года въ этой вотчинѣ, опираясь на соображеніе, что тамъ сохранились слѣды господской усадьбы, что одна мѣстность именуется «Княжьею горою,» и что въ вотчинномъ Ландешскомъ архивѣ находятся документы, доказывающіе, что тамъ были нѣкогда «вотчинный дворъ и служніе дворы.» Но, вѣдь, эти постройки могли быть возведены и послѣ 1611 года? 2-е, Что на врядъ ли тамъ могъ Кн. Пожарскій спокойно поживать осенью 1611 года, когда эта волость была отчуждена изъ его владѣнія по Боярскому приговору и по грамотѣ Сигизмунда отдана нѣкоему Орлову съ самаго Августа того года (во время владычества Поляковъ въ Москвѣ), и хотя она была возвращена Кн. Дмитрію Михайловичу въ 1613 году, но, по словамъ самой Царской грамоты 1621 года, не крѣпко. Изъ этого очевидно, что съ 1611 по 1613 годъ онъ могъ ею не владѣть вовсе. Такого же, какъ намъ кажется, мнѣнія и Академикъ Арсеньевъ, который говоритъ (смотри выше), что Ландешская волость была возвращена Князю Пожарскому грамотою 1621 года. 3-е, Что у него было родовое помѣстье въ Суздальской землѣ (или Уѣздѣ), вблизи Балахны, достаточно, кажется, доказано. Свѣдѣніе это важно для насъ тѣмъ, что оно опровергаетъ

---

[56] Суздальское Княжество въ XIV вѣкѣ (какъ обозначено въ томъ же Атласѣ, на картѣ за № 68), при Вел. Кн. Дмитріи Константиновичѣ, простиралось отъ запада, почти что отъ самаго Юрьевце-Поволжскаго (нынѣ Костромской Губ.) до Ветлуги, т. е., до границы Галицкаго Княжества, а по тому карта эта и подходитъ къ настоящему изслѣдованію.

доводъ защитниковъ противнаго намъ мнѣнія, что Пуреха не могла быть мѣстомъ нахожденія Князя Пожарскаго осенью 1611 года по тому, что она не была въ Суздальскомъ тогдашнемъ Уѣздѣ, и что она была пожалована Царемъ Михайломъ Ѳедоровичемъ за освобожденіе Москвы. 4-е, Главнымъ основаніемъ мнѣнію нашихъ противниковъ служитъ равномѣрность нынѣшняго разстоянія между Нижнимъ Новгородомъ и Ландехою въ 120 верстахъ, съ выказыннымъ въ лѣтописяхъ, въ 120 поприщахъ. [57] Это, по видимому, ихъ найсильнѣйшая точка опоры. Но мы уже указали на два источника, въ коихъ говорится, что въ селѣ (нынѣ деревнѣ) Юринѣ, (наслѣдственной Жарской волости) была древняя усадьба Князя Пожарскаго. Правда, что въ первомъ изъ сихъ источниковъ (въ ст. Жур. М. В. Д. за 1831 г., кн. V) сказано, что Юрино было въ 30 верстахъ отъ Балахны; а такъ какъ этотъ городъ отстоитъ отъ Нижняго всего 63 версты, а въ статьѣ Архимандрита Макарія (нынѣ Епископа Орловскаго) показано, что Юрино отстоитъ отъ Пурехи въ 20 верстахъ, и такъ какъ отъ Пурехи до Нижняго считается нынѣ 74 версты, то отъ Юрина (если оно къ западу отъ Пурехи, о чемъ мы не могли по сю пору имѣть точныхъ данныхъ), до Нижняго считается 94 версты. Если это такъ, то, соображаясь съ прежними извилистыми дорогами, разстояніе отъ Юрина до Нижняго могло, пожалуй, быть въ XVII вѣкѣ немногимъ менѣе 120 верстъ. Хотя Чичаговъ, въ своей біографіи Князя Пожарскаго, положительно говоритъ (на 47 стр.), что Пурешская волость была въ 120 верстахъ отъ Нижняго, но такъ какъ онъ не указываетъ, откуда почерпнуто имъ это свѣдѣніе, то мы и не желаемъ воспользоваться его значеніемъ въ данномъ случаѣ.

Итакъ, не считая нашу задачу неопровержимо разрѣшенною, мы склоняемся къ убѣжденію, что Кн. Пожарскій лѣчился отъ ранъ, не въ Ландешской волости (еще не обращенной въ вотчину), а въ Пурешскомъ помѣстьѣ своей родовой Жарской волости; если же такъ, то это было въ Юринѣ, гдѣ находилась и господская

---

[57] Въ одной рукописи жизнеописанія Кн. Пожарскаго (въ бывшей Чертковской библіотекѣ), не носящей, впрочемъ, слѣдовъ глубокой древности и пріобрѣтенной, какъ намъ сказали, изъ бумагъ Малиновскаго, мы прочли дѣйствительно, что Кн. Пожарскій лѣчился въ своей вотчинѣ Суздальскаго Уѣзда въ 120 верстахъ отъ Нижняго, но составитель ея могъ также, какъ и позднѣйшіе писатели, принять тогдашнія версты или поприща за равняющіяся нынѣшнимъ.

усадьба, или же въ самомъ селѣ Пурехѣ, хотя слѣды тамошней господской усадьбы не сохранились.

Намъ, впрочемъ, кажется правдоподобнѣе, что тогдашняя осѣдлость Князя была въ Юринѣ, такъ какъ изъ одного, сохранившагося при Пурешской вотчинной конторѣ документа (нами указаннаго ниже), явствуетъ, что Пурешская Макаріе-Желтоводская обитель была имъ основана на пустопорожней землѣ, да и слѣдовъ господской усадьбы въ самой Пурехѣ не осталось никакихъ.

Церковные вклады также могутъ указывать, какое значеніе владѣльцы придавали той, или другой, изъ ихъ вотчинъ, или помѣстій, и намъ кажется весьма вѣроятнымъ, что церкви, находившіяся при владѣльческихъ усадьбахъ, получали болѣе вкладовъ, нежели отдаленныя отъ нихъ.

Редакторъ неофиціяльной части Владимирскихъ Губернскихъ Вѣдомостей, Г. Тихонравовъ, составитель свѣдѣній о всѣхъ вотчинахъ Кн. Дмитрія Михайловича Пожарскаго въ предѣлахъ нынѣшней Владимирской Губерніи, и къ которому мы относились по сему предмету, извѣстилъ насъ, что ни въ церкви села Нижняго Ландеха, ни въ прочихъ церквахъ селъ: Верхняго Ландеха, Мыта и Холуя, никакихъ вкладовъ отъ Князей Пожарскихъ нѣтъ, тогда какъ, судя по вкладамъ въ Пурешской приходской (а прежде монастырской) церкви, прежніе владѣльцы этой вотчины придавали ей не малую важность. Вклады эти сейчасъ опишемъ.

Пурешская волость была въ тѣ поры весьма обширна: она простиралась съ запада къ востоку отъ Нижняго Ландеха до рѣчки Желѣзницы, протекающей городомъ Балахною и селомъ Кубанцовымъ, а къ южной сторонѣ граничила съ рѣкою Окой за селомъ Чернымъ, Балахнинскаго Уѣзда. [58] Въ самой Пурехѣ основана была Княземъ Дмитріемъ Михайловичемъ обитель во имя Св. Макарія, Желтоводскаго Чудотворца, и къ ней приписаны были пустошь Петряевская [59] и одинъ изъ Московскихъ домовъ Князя

---

[58] Нижегородскій Сборникъ 1869 г., II, стр. 219, и дал. въ статьѣ: «Село Пурехa,» Священника Лебединскаго. Сочинитель, къ сожалѣнію, какъ здѣсь, такъ и повсюду, не указываетъ на источники, откуда почерпнуты имъ таковыя свѣдѣнія, кромѣ одного раза, когда онъ ссылается на статью П. И. Мельникова, помѣщенную въ 1847, или 1848, г. въ Нижегород. Губ. Вѣдом., о каковой статьѣ мы уже упоминали.

[59] Нижегородскія церковныя древности, Архим. Макарія, въ Запискѣ Имп. Архео-

Дмитрія Михайловича на Лубянской улицѣ. [60] Обитель эта обращена въ приходскую церковь еще въ первой четверти прошлаго XVIII вѣка. [61]

Посѣтивъ, тому болѣе 20 лѣтъ, село Пурехy, мы обратили тогда особенное вниманіе на, хранящіяся въ тамошней Спасо-Преображенской церкви, двѣ достопримѣчательности: а) на напрестольное Евангеліе въ серебровызолоченномъ окладѣ, замѣчательномъ по работѣ тогдашняго времени, вкладу Князя Петра Дмитріевича Пожарскаго, и имъ скрѣпленное по листамъ слѣдующимъ заклинаніемъ: «Лѣта 7144 (1636), Декабря въ 9 день, далъ въ домъ ко Всемилостивому Спасу и Преподобному Чудотворцу Макарію, Желтоводскому и Унжинскому Чудотворцу сіе Евангеліе напрестольное Стольникъ Князь Петръ Дмитріевичъ Пожарскій, по матере своей Княгине Прасковье Варфоломеевнѣ, да по братѣ своемъ Князе Федоре Дмитріевиче, да по Княгине своей, Княгине Настасіе Григорьевне, в вотчину отца своего, Боярина Князя Дмитрія Михайловича Пожарскаго [62] въ Пурецкую волость, при первоИгумене сие святыя обители начальникомъ Евфиміи. А хто сіе святое Евангеліе возметъ, или хто отдастъ, і его да судитъ Богъ в день страшнаго суда.» [63] в) На вкладъ того же Князя Петра Дми-

---

логич. общ. т. X, стр. 420. Выше указанный сочинитель статьи о Пурехѣ, Священникъ Лебединскій, ошибочно говоритъ, что въ Пурехѣ существовала по преданію обитель, называемая «Петряевская;» это названіе принадлежитъ не монастырю, а только пустошѣ.

[60] Домъ этотъ и по сю пору носитъ названіе подворья Макаріе-Желтоводскаго монастыря. О немъ будемъ говорить въ концѣ.

[61] «Нижегородская Епархія при Архіеписк. Питиримѣ,» Архим. Макарія. Питиримъ святительствовалъ подъ титуломъ Нижегородскаго и Алаторскаго отъ 1719 по 1738 годъ, когда онъ скончался; и въ его перечнѣ всѣхъ монастырей Нижегородской Епархіи не помѣщенъ Пурешскій Макаріе-Желтоводскій монастырь, что доказываетъ, что онъ уже былъ упраздненъ при Архіеп. Питиримѣ, и по тому Семеновъ, въ своемъ Географическо-статист. Словарѣ Рос. Имперіи, ошибочно говоритъ, что эта обитель была обращена въ приходскую церковь не ранѣе 1764 года.

[62] Тогда еще въ живыхъ.

[63] Одинъ изъ священнослужителей Пурешской, нынѣ приходской, церкви разсказывалъ намъ, что во время одного изъ объѣздовъ по Епархіи въ 30 годахъ Архіерея (кажется, Іакова, извѣстнаго подвижника), онъ, въ бытность свою въ Пурехѣ, намѣревался было взять съ собою этотъ драгоцѣнный памятникъ церковной старины, но, подумавши, сказалъ, что закли-

тріевича Пожарскаго, серебряный вызолоченый 8-миконечный крестъ съ мощами, съ обозначеніемъ числа 10 Октября, 7143 (1635) года. [64] Тамъ же находятся и слѣдующіе вклады: 1, Серебряное кадило съ надписью 6 Мая, 7148 (1640) года, вкладу того же Князя Петра Дмитріевича по матери своей Княгинѣ Прасковьѣ Варфоломеевнѣ; 2, Колоколъ въ 5 пудъ съ надписью 7148 (1640) года вкладу Князя Ивана Дмитріевича, [65] 3, Колоколъ въ 7 пудъ вкладу Князя Василья Петровича Пожарскаго, отъ 14 Ноября, 7149 (1641) года. [66] 4, Мѣдное паникадило съ надписью 7143 (1635) года, Мая 7 дня, вкладу второй жены Князя Дмитрія Михайловича, Княгини Ѳедоры Андреевны, [67] 5, Мѣдное паникадило, отъ 6 Мая, 7148 (1640) года, вкладу, какъ на немъ обозначено: «всякихъ чиновъ дворовыхъ людей, Боярина Князя Дмитрія Михайловича Пожарскаго.» 6, Апрѣльская служебная Минея, Московской печати, безъ выхода, съ надписью по листамъ, вкладу Ивана Дмитріевича Пожарскаго, съ женою своею, Княгинею Прасковіею Михайловной, въ 5 день Марта, 7162 (1652) года, «по душѣ дворового ихъ человѣка, Іосифа Фомина сына Посникова, и по женѣ его Соломинѣ (Соломонидѣ) Амвросіевой дочери, во иноцѣхъ Софіи. А куплена та книга (сказано выше) на ихъ деньги (т. е. Іосифа и его жены) и пожаловалъ (?) Игумену Исаіи, и впредь кто будетъ властвовать въ обители той, написать въ Сенонникъ повседневный, и проч.... Да по нихъ же данъ стихарь посной дорогильной двоелишневой Дьяконскій, оплечье и зарукавіе и оларь, бархатъ рытой по вишневой землѣ травчатый, травъ чер-

---

наніе, де, завѣщателя слишкомъ страшно, и по тому оставилъ Евангеліе на мѣстѣ.

[64] Крестъ этотъ, также какъ и верхнюю серебряную доску выше писаннаго Евангелія, мы тутъ же срисовали для извѣстнаго академика-художника, Ѳедора Григорьевича Солнцева, для его изданія Русскихъ древностей.

[65] Брата предыдущаго. Въ статьѣ о Пурехѣ, Свящ. Лебединскаго, въ описаніи вкладовъ Князей Пожарскихъ въ Пурешскую церковь, сочинитель ошибочно называетъ вкладчика этого колокола Княземъ Андреемъ Дмитріевичемъ. Изъ родословной таблицы Князей Стародубскихъ и Пожарскихъ видно, что у Князя Дмитрія Михайловича было всего три сына: Петръ, Ѳедоръ и Иванъ. Послѣдній изъ нихъ и есть вкладчикъ 5 пудоваго колокола.

[66] Нижегород. Церков. древн., Архим. Макарія, въ Запискѣ Имп. Археолог. Общ. т. X., стр. 385.

[67] Урожденной Княжны Голицыной.

ныхъ и проч.... А за тотъ вкладъ поминать родителей ихъ» (за симъ слѣдуетъ имена). 7, Древній рукописный Октоихъ XVII вѣка, съ 4 только гласами, съ надписью, что эта книга принадлежала «Рождества Святыя Богородицы Антоніевой обители Великаго Новограда;» а какъ перешла эта книга въ Пурешскую церковь, не извѣстно. 8, Октоихъ осьмигласный рукописный, принадлежавшій первоначально (въ 1605 году) Христорождественской церкви въ городѣ Старицѣ, откуда былъ увезенъ въ Литву, и вывезенъ оттуда въ 1656 году. 9, Служебникъ, безъ двухъ начальныхъ листовъ, вкладу Князя Ивана Дмитріевича Пожарскаго, по дочери своей, младенцѣ Княжнѣ Маврѣ. [68] Въ числѣ иконъ, пожертвованныхъ, по преданію, Князьями той фамиліи, хранится икона Владимирской Божіей Матери, писанная на деревянной дскѣ и обложенная сребропозолоченною ризою съ такими же вѣнцами на ней и на Предвѣчномъ младенцѣ, въ кіотѣ со створчатыми дверцами, и обитая съ наружной стороны бѣлою кожею. Икона эта была, какъ говорятъ, походною Князя Дмитрія Михайловича. [69] Намъ показывали также въ этой церкви нѣсколько древнѣйшихъ, но отчасти полинявшихъ уже, плащаницъ, пеленъ и воздуховъ, вышитыхъ шелками съ золотомъ и жемчугомъ, приписываемыхъ работѣ Княгинь и Княженъ Пожарскихъ.

Въ Пурешской вотчинной конторѣ сохранился документъ, состоящій изъ выписки изъ древнихъ писцовыхъ книгъ о земляхъ, входившихъ въ XVII вѣкѣ въ составъ Пурешской волости и пожертвованныхъ тамошнему Макарьевскому Желтоводскому монастырю, слѣдующаго содержанія: «Въ отдѣльныхъ Нижегородскихъ книгахъ 155 (1647) году, Іюля 3 день, написано: отдѣлено Стольнику Князю Ивану Дмитріевичу Пожарскому въ вотчину по любовному раздѣлу: монастырь Желтоводскаго и Унженскаго Чудотворца на пустоши Петряевской.... а въ монастырѣ церковь ка-

---

[68] Тамъ же.

[69] Иконы этой не помнимъ, но о ней говорится также въ статьѣ о Пурехѣ Священ. Лебединскаго. Хотя въ нашемъ разсказѣ объ открытіи гробницы Князя Дмитрія Михайловича сказано, что походная икона доблестнаго вождя хранится доселѣ въ Суздальскомъ Спасо-Евѳиміевскомъ монастырѣ, но эта икона есть Казанской Божіей Матери, а Пурешская Владимирской Божіей Матери. Впрочемъ, съ Кн. Пожарскимъ въ его походахъ могли быть и обѣ иконы.

менная Преображенія Христова съ папертьми о пяти верхахъ, не освящена,[70] а въ церкви два придѣла: придѣлъ Евѳимія, Суздальскаго Чудотворца, освященъ» и проч. Далѣе: «А въ церквахъ и придѣлахъ Божіе милосердіе и церковные утвари, строеніе Князя Дмитрія Михайловича Пожарскаго; да около монастыря ограда.... Пашни къ монастырю, что пахали на монастырь середнія земли съ новолѣсною рощистью 15 четвертей въ полѣ, а въ дву по тому жъ; да къ тому жъ припущено въ пашню деревня, что была пустошь Бояринцово, а Бояркино тожъ, на рѣчкѣ на Колесенкѣ, пашню паханыя худыя земли 16 четвертей въ полѣ, а въ дву по тому жъ, сѣна 10 копенъ, лѣсу пашеннаго 9 десятинъ,[71] а всего къ монастырю пашни паханой средней и худой земли съ новоприпускною пашнею 31 четверть въ полѣ, а въ дву по тому жъ. Да что Бояринъ Дмитрій Михайловичъ Пожарскій на своей вотчинной землѣ поставилъ монастырь, далъ на пропитаніе изъ своей же вотчинной земли, и что на его жъ вотчинной землѣ и угодьяхъ на новолѣсныхъ рощистяхъ поставлены починки, и въ немъ селятся, и въ пустошахъ пашни паханые и перелогомъ и лѣсомъ поросло средней и худой земли доброю землею съ паддачею, опричъ старыхъ церковныхъ земель, 3580 четвертей въ полѣ, а въ дву по тому жъ, да церковныя старыя земли 90 четвертей.» А подъ № 134, Декабря 8 дня, написано: «Государь Царь и Великій Князь Михайло Федоровичъ всея Русіи, и отецъ его, Государевъ, Великій Государь, Святѣйшій Филаретъ Никитичъ, Патріархъ Московскій и всея Русіи, пожаловали Боярина, Князя Дмитрія Ми-

---

[70] Изъ этого должно полагать, что главный престолъ церкви тогда (въ 1647) еще не былъ освященъ; хотя, какъ мы уже видѣли, что Стольникъ Князь Петръ Дмитріевичъ Пожарскій пожертвовалъ уже въ 1636 году два значительные вклада въ Пурешскую обитель. Не слѣдуетъ ли изъ этого, что въ ней прежде былъ уже освященъ одинъ придѣлъ и, вѣроятно, во имя Св. Евѳимія Суздальскаго? И дѣйствительно, мы видѣли оба вклада въ этомъ придѣлѣ, а не въ главной церкви.

[71] Пашенный лѣсъ обозначаетъ, вѣроятно, или пашню на вновь сведенномъ лѣсѣ, или, какъ мы видали примѣры въ одномъ частномъ имѣніи Костромской Губерніи, землю, заросшую крупнымъ уже лѣсомъ на давно запущенныхъ крестьянскихъ пахатныхъ участкахъ, за которую продолжалось взимать господскій оброкъ, какъ бы за тягловую землю. Хотя по крѣпостному праву всѣ лѣса на господской землѣ принадлежали помѣщику, но въ данномъ случаѣ (исключительномъ, или нѣтъ, не знаемъ) подобные лѣса въ сказанномъ имѣніи считались крестьянскою неотъемлемою собственностію.

хайловича Пожарскаго съ дѣтьми его примѣрною землею, что по нынѣшнему письму и мѣрѣ за Бояриномъ за Княземъ Дмитріемъ Михайловичемъ за услуженіемъ его, и что Бояринъ Князь Дмитрій Михайловичъ поставилъ на своей вотчинной пустоши монастырь Макарія, Желтоводскаго Чудотворца, [72] а къ монастырю, Игумену и братьѣ и служебникамъ далъ на пропитаніе изъ своей вотчинной дачи деревни и пустоши, опричъ старыхъ церковныхъ земель.» [73] Въ этой выпискѣ не обозначено, къ сожалѣнію, года ея составленія, и относится ли высказанное тамъ число 8 Декабря къ этому документу, или ко дню пожалованія Царской грамоты Князю Пожарскому на земли сосѣднія къ его Жарской волости (каковая грамота до насъ не дошла), угадать не возможно; да и не извѣстна намъ никакая жалованная грамота съ помѣтою 8 Декабря. Въ Собраніи Госуд. грамотъ и договоровъ, находятся только двѣ жалованныя грамоты: первая отъ 19-го Сентября, 1619 года, на Ростовскую и Московскую вотчины, вторая отъ 5 Іюля, 1621 года, на Нижній Ландехъ и Холуй съ деревнями, въ коей упоминается о не дошедшей въ подлинникѣ до насъ грамотѣ отъ 30 Іюля, 1613 года, на Мытъ и Ландехъ. Кромѣ того намъ извѣстна третья, нигдѣ не напечатанная и хранящаяся въ рукописи въ бывшей Чертковской Библіотекѣ, отъ 19 Сентября, 1620 года, о пожалованіи Князю Пожарскому села Мыта съ деревнями. [74]

Въ трапезѣ Пурешской Спасо-Преображеской церкви внѣтъ прикрѣпленный къ своду, какъ бы паникадило или люстро огромнаго размѣра, квадратный кивотъ, за стеклоя коего вставлена копія съ хоругви, съ которою (какъ сказывали намъ священнослужители той церкви) ходилъ Князь Дмитрій Михайловичъ на освобожденіе Россіи отъ Ляховъ, Черкасовъ и Русскихъ воровъ. Подлинная же хоругвь была поднесена Государю Николаю Павловичу тогдашнею помѣщицею села Пурихи, нынѣ умер-

---

[72] Этимъ подтверждается мнѣніе Архим. Макарія, что усадьба и домъ Князя Дмитрія Михайловича въ Пурешской его волости не былъ тамъ, гдѣ находится нынѣ село Пуриха, а въ нынѣшней деревнѣ Юринѣ, въ 20 верстахъ отъ села Пурихи, и что тамошній Макаріево-Желтоводскій монастырь былъ построенъ на пустопорожней землѣ.

[73] Ст. о Нижегород. Церков. древн., Архим. Макарія, въ X т. Зап. Имп. Археологич. Общества.

[74] Рукопись эта пріобрѣтена, какъ намъ сказывали, въ числѣ другихъ, покойнымъ Александромъ Дмитр. Чертковымъ изъ бумагъ Малиновскаго.

шею Графинею (не замужнею) Дмитріевою-Мамоновою; и по тому ошибочно показано въ Географическо-Статистическомъ Словарѣ Россійской Имперіи, Семенова (т. IV, стр. 247, въ ст. о Пурехѣ), что тамъ находится подлинная хоругвь, и что копію съ нея можно видѣть въ Нижегородскомъ Преображенскомъ Соборѣ. Что въ этомъ Соборѣ есть таковая копія, это вѣрно, но и Архимандритъ Макарій говоритъ (на стр. 27 и 28) почти что то же самое, что мы узнали отъ Пурешскихъ священнослужителей, что подлинное знамя хранилось въ бывшей вотчинѣ Князя Пожарскаго до 1827 года, и что въ томъ году оно взято, по Высочайшему повелѣнію, оттуда въ Московскую Оружейную Палату, и что копіи съ него находятся въ селѣ Пурехѣ и въ Нижегородскомъ каѳедральномъ Соборѣ. [75] Свѣдѣніе это рознится съ нашимъ лишь въ способѣ перехода этого драгоцѣннаго памятника, изъ частной собственности въ Государственную хоругвь, въ длину 2 арш. и 13 вершковъ. На ней, съ передней стороны, поясное изображеніе Господа Вседержителя, правою рукою благословляющаго, а въ лѣвой держащаго раскрытое Евангеліе на словахъ отъ Матѳея глава 25, стихи 34 и 35: «Пріидите, благословеннїи Отца моего, наслѣдуйте уготованное вамъ царствіе отъ сложенія міра» и проч. По краямъ: тропарь и кондакъ Всемилостивому Спасу: «Съ вышнихъ призираяй и убогія пріемляй, посѣти насъ озлобленные грѣхи, Владыко всемилостиве, молитвами Богородицы даруй душамъ нашимъ велію милость.» Исподняя сторона знамени съ изображеніемъ по серебру и золоту города Іерихона, Архангела Михаила и Іисуса Навина, преклоняющаго предъ Архангеломъ колѣна, и съ надписью вокругъ нихъ изъ книги Іисуса Навина, глава 5, стихи 13—16: «Бысть, егда бяше Іисусъ у Іерихона, и возрѣвъ очима своима, видѣ человѣка стояща предъ нимъ, и мечь его обпаженъ въ руцѣ его: и приступивъ Іисусъ, рече ему: нашъ ли еси, или отъ сопостатъ нашихъ; онъ же рече ему: азъ Архистратигъ силы Господни, нынѣ пріидохъ сѣмо: и Іисусъ паде лицемъ своимъ на землю, и поклонися ему, и рече: Господи, что повелѣваеши рабу твоему; и рече Архистратигъ Господень къ Іису-

---

[75] При семъ сочинитель ссылается на памятники Москов. древн. И. М. Снегирева, стр. 285, и на Вѣстникъ Европы за 1827 г., № 23 и 24. Хромолитограф. копія этого знамени помѣщена въ Собр. древн. Росс., акад. Солнцева, изд. по Высоч. повелѣнію въ Москвѣ, т. II.

су: Иззуй сапоги съ ногу твоею; мѣсто бо, на немъ же ты стоиши, свято есть; и сотвори Іисусъ тако.»

Родъ Князей Пожарскихъ пресѣкся по мужской линіи въ лицѣ Князя Юрія Ивановича, внука Князя Дмитрія Михайловича, умершаго 1648 году бездѣтнымъ; [76] а до 1693 года Пурешскій Макаріе-Желтоводскій монастырь и часть Пурешской волости принадлежали правнучкѣ Князя Дмитрія Михайловича, вдовѣ Кравчаго, Прасковьѣ Нарышкиной. [77] Послѣ этого времени, до второй половины XVIII вѣка, Пурешская волость переходила къ разнымъ владѣльцамъ по женской линіи, и наконецъ была подарена Императрицею Екатериною II Матвѣю Васильевичу Дмитріеву-Мамонову, а по смерти, въ 1863 году, незамужней Графини Дмитріевой-Мамоновой, имѣніе это перешло по наслѣдству, И. С. Фонъ-Визину.

Московскій домъ Князя Дмитрія Михайловича, въ которомъ онъ, вѣроятно, и скончался въ 1642 году, былъ на Лубянкѣ, насупротивъ церкви Введенія, при которой онъ столь доблестно подвизался и былъ изранен 19 Марта, 1611 года, при Московскомъ разгромѣ. Почти достовѣрно, что этотъ домъ тотъ самый, гдѣ нынѣ помѣщается 3 Гимназія, и на столбѣ возлѣ воротъ этого дома вставлена теперь копія образа Знаменія Пресвятыя Богородицы съ неугасимою лампадою, а настоящая икона, украшенная дорогими каменьями, хранится въ самой церкви Введенія Пресвятыя Богородицы. [78] Икона эта считается принадлежавшею Князю Дмитрію Михайловичу. Преданіе приписываетъ ему же пристройку

---

[76] Отецъ его, Кн. Иванъ Дмитріевичъ пережилъ сына, какъ видно изъ его вклада въ Пурешскую Макаріевскую обитель въ 1652 г., Апрѣльской Минеи, выше описанной.

[77] Юрид. акты (Малиновскаго) № 53, также Біографію Князя Д. М. Пожарскаго, С. К. Смирнова, и Нижегород. Церковн. древности, Архим. Макарія.

[78] Икона Знаменія Божіей Матери, что нынѣ на столбѣ передъ домомъ 3 Гимназіи на Лубянкѣ, и которая находилась прежде на воротахъ дома Князя Дмитрія Михайловича Пожарскаго, стала въ особенномъ почитаніи у жителей Москвы со времени свирѣпствовавшаго, въ 1737 г., въ Москвѣ большого пожара. Въ этой мѣстности разрушительное пламя разливалось рѣкою, но дошедъ до дома, на которомъ стояла упомянутая икона, пожаръ прекратился. См. Душеполезное Чтеніе 1872 г., за Іюль, стр. 241, статью Н. П. Розанова объ иконѣ Знаменія въ Московскомъ Златоустовскомъ монастырѣ.

при этомъ храмѣ придѣла во имя Преподобныя Мученицы Параскевіи-Пятницы, въ память первой своей супруги, умершей въ 1635 году, но письменныхъ о томъ свѣдѣній нѣтъ. Во Введенской церкви хранится также икона Спасителя на убрусѣ, съ тропаремъ и кондакомъ, шитая, по преданію, одною изъ дочерей Князя, и точное подобіе Чудотворной иконы Казанской Богородицы на дскѣ, въ золоченной ризѣ, имъ самимъ пожертвованная. Князь Пожарскій владѣлъ въ Москвѣ и еще двумя домами, рядомъ съ этимъ, доходившими вплоть до переулка, [79] крайній изъ коихъ и по нынѣ составляетъ подворье Макарьевскаго Желтоводскаго монастыря. [80]

Самимъ ли Княземъ Дмитріемъ Михайловичемъ, или кѣмъ изъ его наслѣдниковъ, былъ пожертвованъ этотъ домъ въ Макарьевскую обитель, и въ которую изъ нихъ: въ Пурешскую ли Макаріево-Желтоводскую, или въ Макарьевскую Желтоводскую Нижегородской Губерніи при городѣ Макарьѣ, мы никакихъ документовъ отыскать не могли. Нынѣшній управляющій этимъ подворьемъ или арендаторъ его, но сохранившій названіе «вотчинника,» говорилъ намъ, что никакихъ древнихъ актовъ, или описей, онъ не получалъ отъ своихъ предшественниковъ; что въ первыхъ годахъ его управленія этимъ подворьемъ, выручаемыя отъ квартирантовъ деньги, онъ отсылалъ въ Нижегородскую обитель, но что по упраздненіи ея, въ нынѣшнее десятилѣтіе, онъ сталъ отсылать деньги въ учрежденную съ тѣхъ поръ въ самомъ Нижнемъ Административную Коммисію при тамошнемъ Архіерейскомъ домѣ, или при Консисторіи. На основаніи отзыва вотчинника Московскаго Макаріе-Желтоводскаго подворья, мы отнеслись по сему

---

[79] Переулокъ этотъ давно уже застроенъ.

[80] Чтенія въ Имп. Общ. Истор. и Древн. Росс. 1870 г. кн. 2, Смѣсь: «О Москов. домѣ Кн. Дм. Мих. Пожарскаго,» Н. Н. Новикова, стр. 169. Сочинитель указываетъ на книгу Максимовича: «Біограф. свѣд. о Кн. Дм. Мих. Пожарскомъ. Спб. 1817 г.» По всѣмъ, наведеннымъ нами, справкамъ, такого сочиненія Максимовича не существуетъ, и надо полагать, что тутъ опечатка.—Дѣйствительно, опечатка, но основанная на рукописи самой статьи, въ коей стояло «Максимовича» вмѣсто «Малиновскаго.» Имя послѣдняго правильно означено въ 335 примѣчаніи къ XII тому Ист. Госуд. Росс., Карамзина' какъ сочинителя «Біографическихъ свѣдѣній о Князѣ Дм. Мих. Пожарскомъ,» А. Ѳ. Малиновскаго. Отсюда взята была и ссылка Н. Н. Новиковымъ, но съ замѣной, по недосмотру, фамиліи одного фамиліей другого. О. Б.

предмету къ Нижегородскому Статистическому Комитету, членъ коего Г. Храмцовскій недавно сообщилъ намъ, что въ документахъ, бывшихъ въ Макарьевскомъ Желтоводскомъ монастырѣ, что при городѣ Макарьевѣ, ничего не говорится о времени перехода Московскаго Макаріе-Желтоводскаго подворья во владѣніе этой обители, хотя надъ архивными ея документами трудился Господинъ Пискаревъ, статья коего помѣщена была въ Нижегородскихъ Губ. Вѣдомостяхъ за 1846 годъ, №№ 67 — 73.

Княземъ Дмитріемъ Михайловичемъ Пожарскимъ же построенъ Московскій Казанскій Соборъ, что на углу Никольской улицы и красной площади. [81]

Для полноты занимающаго насъ предмета помѣщаемъ нижеслѣдующія свѣдѣнія, полученныя нами отъ Господина Тихоправова, Редактора неофиціяльной части Владимирскихъ Губ. Вѣдомостей. «Повѣренный наслѣдниковъ Графа А. Н. Панина, Г. Елшинъ, сообщилъ въ Редакцію Владимирскихъ Губернскихъ Вѣдомостей о слѣдующемъ изустномъ преданіи. При разговорѣ его (Г. Елшина) съ тамошними старожилами объ исторіи села Нижняго Ландеха [82] и о мѣстожительствѣ Князя Дмитрія Михайловича Пожарскаго, одинъ почтенный старикъ, крестьянинъ Иванъ Голиковъ, бывшій лѣтъ 15 Церковнымъ Старостою и въ послѣдствіи (въ 1851 года), умершій лѣтъ 85 отъ роду, человѣкъ набожный, грамотный и большой начетчикъ, разсказывалъ, что онъ слыхалъ преданіе отъ предковъ, что Бояринъ Князь Дмитрій Михайловичъ Пожарскій скончался въ томъ селѣ (Нижнемъ Ландехѣ), и что погребенъ въ Суздальскоюъ Спасо-Евѳиміевскомъ монастырѣ, и что мечъ, съ которымъ онъ ходилъ на враговъ отечества, онъ отдалъ, еще при жизни своей, въ Соловецкій монастырь. Преданіе это замѣчательно по тому, во 1-хъ, что память о Князѣ Пожарскомъ сохранилась по сю пору въ крестьянскомъ мѣстномъ населеніи, и 2, что до открытія мѣста его погребенія, въ 1852 году, было уже у жителей села Нижняго Ландеха точное на это указаніе. О мечѣ Князя Пожарскаго намъ ничего не извѣстно, [83] но на

---

[81] Біографія Кн. Дм. Мих. Пожарскаго, С. К. Смирнова.

[82] Имѣніе это нынѣ принадлежитъ наслѣдникамъ Графа А. Н. Панина.

[83] Мы прочли на дняхъ, что Г. Немировичъ, въ своемъ описаніи Соловецкаго

счетъ мѣста его кончины дознано, что это было въ Москвѣ, и что Царь Михаилъ Ѳедоровичъ (а по одному документу, юный Царевичъ Алексѣй Михайловичъ) почтилъ своимъ присутствіемъ выносъ тѣла доблестнаго освободителя Русской Земли.

Выше упомянутый Г. Тихонравовъ сообщилъ намъ также разныя выписки изъ документовъ, хранящихся въ Ландешской вотчинной конторѣ, не заключающихъ, впрочемъ, въ себѣ никакого историческаго интереса, кромѣ того, что послѣ Князя Юрья Ивановича Пожарскаго (послѣдняго изъ его рода и умершаго бездѣтнымъ въ 1648 году, еще при жизни его отца, Князя Ивана Дмитріевича) Ландешская вотчина была отписана во Дворцовые селы, а въ 190 (1682) году Царемъ Ѳедоромъ Алексѣевичемъ пожалована за службу Князю Михайлу Алегуковичу Черкасскому, и оставалась во владѣніи Князей Черкасскихъ около 125 лѣтъ, а въ 1808 году пріобрѣтена, по купчей крѣпости, Графомъ Владимиромъ Григорьевичемъ Орловымъ, и по его смерти перешла по наслѣдству, въ 1831 г., дочери его, Графинѣ Софіи Владиміровнѣ Паниной, а по кончинѣ ея Графу Александру Никитичу Панину.

Въ Ландешскомъ же вотчинномъ архивѣ есть выписка изъ Суздальскихъ писцовыхъ книгъ 136, 137 и 138 (1628, 1629 и 1630) годовъ, гдѣ значится, что въ Суздальскомъ Уѣздѣ, въ Стародубо-Ряполовскомъ стану, была у Боярина Князя Дмитрія Михайловича Пожарскаго родовая вотчина отъ отца его и дѣда, село Волосинино, Мугреево тожъ, да при селѣ Мугреевѣ и приселкѣ Могучевѣ, на Богоявленскомъ озерѣ, былъ монастырь, а въ немъ церковь Срѣтенія Пресвятыя Богородицы, а въ церкви образа, и свѣчи, и книги, и ризы, и сосуды церковныя и колокола, и всякое церковное строеніе, Боярина Князя Дмитрія Михайловича Пожарскаго.[84] Попеченіе, которое имѣлъ Князь Пожарскій о монастыряхъ и храмахъ, находившихся въ наслѣдственныхъ его помѣстьяхъ, тогда какъ ничего подобнаго не видно относительно церквей, бывшихъ въ пожалованныхъ ему вотчинахъ, Ландехѣ, Мытѣ и Холуѣ, служитъ подкрѣпленіемъ, по нашему мнѣнію, что настоящая его осѣдлость была въ первыхъ (родовыхъ) его

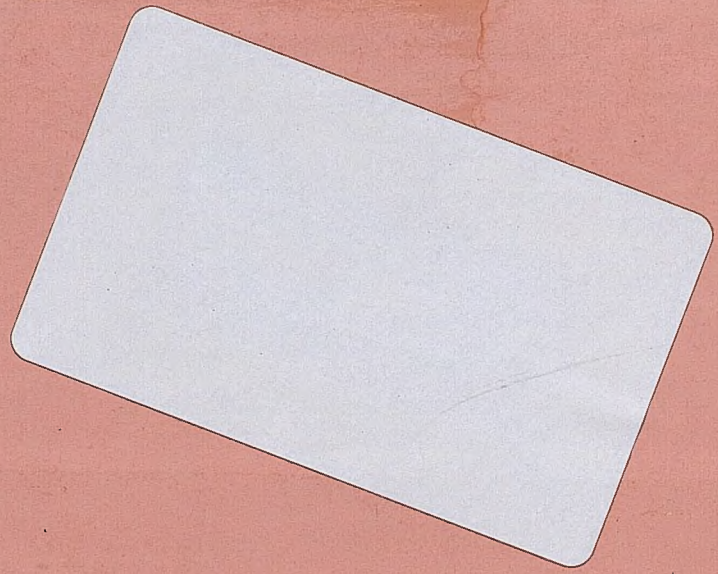
монастыря, говоритъ, что сабля (а не мечъ) Князя Дмитрія Михайловича числится въ описи вещей этого монастыря.

[84] Монастырь этотъ уже не существуетъ.

помѣстьяхъ. Тамъ же, въ выпискѣ и о слободѣ Холуѣ значится, что «въ 121 (1613) году, въ Холуѣ было всего только два иконописца, а въ нынѣшнемъ XIX столѣтіи почти всѣ жители этого села занимаются исключительно иконописью, извѣстною подъ названіемъ «Суздальской,» по тому что въ XVII вѣкѣ Холуй былъ въ Суздальскомъ Уѣздѣ. Въ той же выпискѣ объ этой слободѣ упоминается, что въ ней были двѣ соляныя варницы, да два мѣста варниты, Кунаво и Хорошово, и что послѣднее было въ спорѣ съ Троице-Сергіевымъ монастыремъ.

Тамъ же и слѣдующій занимательный документъ: «Лѣта 7135 (1627), Декабря (число оторвано), по Цареву и Великаго Князя Михаила Феодоровича всея Русіи Указу, по помѣтѣ, за приписью Діяка Максима Чиркова, погребной ключникъ Афонасій Родіоновъ взялъ на Государевъ обиходъ на сытный дворецъ Луховскаго Уѣзда [85] села Нижняго Ландеха, Чихачевы слободки Боярина Князя Дмитрія Михайловича Пожарскаго, у Неміра Батюнина, на нынѣшній на 135 годъ оброчнаго пудъ меду. Ключникъ погребной Офонасѣй Родіоновъ.»

Графъ Михаилъ Бутурлинъ.


[85] Нынѣ заштатный городъ Лухъ находится Костромской Губ. въ Юрьевецъ-Поволжскомъ Уѣздѣ.